

АКАДЕМИК

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ

ЕВРОПА

В СУМЕРКАХ
НА ПОЖАРИЩЕ ВОЙНЫ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ В ГЕРМАНИЮ, АНГЛИЮ И ФРАНЦИЮ
ЛЕТОМ 1923 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

ПЕТЕРБУРГ

1924

Обложка
работы Г. П. Блока

11995
АКАДЕМИК

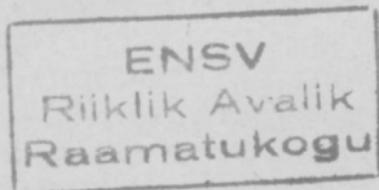
С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ

ЕВРОПА

В СУМЕРКАХ

НА ПОЖАРИЩЕ ВОЙНЫ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ
В ГЕРМАНИЮ, АНГЛИЮ И ФРАНЦИЮ
ЛЕТОМ 1923 ГОДА

469995

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

ПЕТЕРБУРГ

1924

Петрогублит № 12254 — 3000 экз.

Российская Государственная Академическая Типография

ВВЕДЕНИЕ

Рассказ о впечатлениях путешествия на Запад я озаглавил „Европа в сумерках на пожарище войны“.

Это заглавие необходимо оговорить, чтобы не вызвать недоразумений. Я глубоко убежден, что это предрассветные сумерки, а не сумерки перед новою ночью. Как долго продлятся для разных стран и народов эти жуткие и тяжелые сумерки, вряд ли кто может теперь угадать, и каковы будут последствия от несомненного упадка культурных стремлений и достижений и замены их исканиями материальных удобств и благополучий цивилизации, — кто знает!

Пессимист скажет:

— Мир одряхлел, это упадок, такой, какой мир видел уже не раз и в последний раз в великой Римской империи.

Оптимист на это ответит:

— Упадка никогда не бывает: то, что нам кажется упадком, лишь новые формы, видоизме-

нения старого, делающие его новым. Взгляд на средние века все больше меняется, а с ним и на так называемое падение Рима. Жизнь человечества вводит в мировой обиход все новые и новые народы и меняет взаимоотношения людей, народов, стран. Жизнь становится все сложнее и разнообразнее, значит во многом и гораздо труднее и тяжелее, но и во многом прекраснее; все большее и большее количество людей приобщаются к жизни и из слепых делаются зрячими и, таким образом, все лучше и лучше могут быть использованы для жизни силы человечества.

Все это вправе ответить оптимист на злоеущее предсказание упадка, о котором только и думает пессимист.

Пишущий эти строки — оптимист.

Не легко передать те впечатления, которые получаешь от современной Западной Европы, особенно не легко тем, кто, как я, прожил более пятнадцати лет в до-военной Западной Европе последних пятидесяти лет.

Прежде всего, в сущности мы даже не вправе говорить о Западной Европе наших дней, как о чем-то едином и целом.

Каждая страна так обставилась частоколом разрешений на въезд, пребывание, выезд, паспортов и таможен, так усиленно, даже до самых маленьких стран, настаивает на своем языке, своей монете, что перестаешь видеть перед собою карту Европы, а видишь какую-то доску с яркими пятнами стран, где каждая краска ста-

новится особенно яркой от взаимного непонимания, ненависти и тупого желания видеть, знать, понимать только свое, только свою краску.

И увы, лишь одно как будто объединяет эту пеструю разрозненную массу стран: замирание культуры духовной под давлением забот о цивилизации материальной, о залечивании глубоких материальных ран, нанесенных войною и послевоенною разрухою.

Вместо того, чтобы искать пути взаимного понимания и общей работы для восстановления разрушенной жизни, каждая страна все больше замыкается, стремится стать по возможности самодовлеющей, чтобы в случае новых столкновений не зависеть от других. Вред от этого разобщения так очевиден, дает себя так болезненно чувствовать, что трудно понять, как эта самоочевидность ни к чему не приводит и никого ничему не учит.

Мне пришлось быть сравнительно более продолжительное время в трех странах: Англии, Франции, Германии, и то, главным образом, в Лондоне, Париже, Берлине. Я все-таки был и вне этих городов и мельком видел и другие страны. Для того, чтобы говорить только о том, что я лучше видел и узнал, ограничусь впечатлениями от Лондона, Парижа и Берлина.

Понимая, насколько важно сохранить объективность, я старался это сделать, и хочу думать, что в общем мне это удалось: у меня есть несомненно определенные симпатии, но нет ни

вражды, ни недоверия ни к одному из народов, которые мне пришлось видеть.

Нечего говорить, что для полного понимания жизни страны, особенно чужой, нужно очень много времени, а я располагал им в ограниченном количестве. Если я все же решаюсь поделиться своими впечатлениями, то меня поддерживает в этом знание прежней до-военной Европы и содействие многочисленных друзей французов, англичан и немцев, которых я и позволяю себе горячо поблагодарить. Если что-нибудь им покажется несправедливым в моих, в общем не особенно отрадных впечатлениях, то я прошу их не забыть, что я старался быть правдивым и был одушевлен искренней симпатией к людям, которых встречал.

Сознательно я избегал всюду сравнений с нашей русской жизнью: она шла и идет во многом другими, гораздо более сложными путями, многое пережито и переживается ею гораздо интенсивнее, а потому русскому при таких сравнениях легко потерять объективность, мне же хотелось сохранить ее в наибольшей доступной мне степени.

Октябрь 1923

ГЕРМАНИЯ

ЖИЗНЬ ГОРОДА

Для тех, кто знал прежний Берлин, чопорно-чистый и аккуратный, Берлин наших дней покажется неряшливым и грязным. Вы чувствуете отсутствие той педантичной аккуратности в общем и частном, которая отличала Германию, а в особенности Берлин. И вы ясно чувствуете, что это символично, что здесь вы сталкиваетесь с тем, что как пропастью отделяет Германию настоящую от прежней: отсутствие уверенности в себе, отсутствие умения держать себя в руках, умения, которое раньше проходило красною нитью через всю немецкую жизнь, с детства немца и до старости, и что иногда даже казалось чрезмерным, иссушающим жизнь Германии. Но это покажется только тем, кто раньше знал Берлин, кто же его не знал и придет в него, например, из Парижа или из Лондона, тому Берлин покажется сравнительно очень чистым и аккуратным, ибо та громадная физическая ра-

бота и та идеальная организация, которые требуются, чтобы держать в порядке и чистоте большой город, не под силу современной Европе вообще, и все большие столицы находятся, в разной степени, в некотором состоянии неряшливости и грязны более, чем были раньше. Слишком велико было общее напряжение военных переживаний, чтобы не ослабить весь тон жизни, по крайней мере в Европе.

То, что говорится о внешнем виде Берлина, относится и к внутренней материальной жизни города: все в значительной мере изнашивается, ломается, портится, и нет средств и возможности все восстанавливать. Это особенно чувствуется в гостиницах и ресторанах, даже дорогих: вам зачастую дают битую чашку, битую тарелку, разорванную скатерть или салфетку. Раньше это было бы совершенно невозможно, а теперь никто на это даже внимания не обращает и всякий понимает, что надо беречь даже и битое, ибо всякая новая вещь добывается с громадными издержками. При поверхностном наблюдении можно не заметить этого, оно может показаться мелочью, не заслуживающею внимания.

Но такое заключение было бы неправильным: перед нами показатель большого разорения страны и невозможности пока справиться с последствиями этого разорения; финансовый кризис, переживаемый страной, мешает правильной постановке и общественного и частного хо-

зьяйства. Вся торговля поставлена на нездоровый базис: выгодно продавать и покупать только такие предметы, которые не упадут в цене или которые могут привлечь иностранца с валютой, а к этой категории сравнительно быстро изнашивающиеся или выходящие из моды предметы ежедневного обихода не относятся. В связи с этим вас уже не удивят пустые магазины, куда редко забредет покупатель, и то больше иностранец. Вы это чувствуете особенно сильно в таких громадных учреждениях, как известный „все-магазин“ Вертгейма или Kaufhaus des Westens, где вы ходите по почти пустым залам. Иногда, впрочем, вы видите как будто бы исключение из этого правила: перед некоторыми магазинами стоят длинные хвосты покупателей — это магазины, где продаются масло и молоко, которые все в меньшем количестве привозятся крестьянами и вообще сельскими хозяевами в большие города. Явление — нам хорошо знакомое и понятное. С катастрофическим падением бумажных денег их накопление становится бессмысленным, закупка же сразу в городе большого количества вещей противоречит во-первых психологии сельского жителя, а затем и очень рискованна, так как можно истратить свои запасы сельско-хозяйственных продуктов на некоторые предметы и не иметь уже больше ничего, когда понадобятся другие. Кроме того, путешествие и разные другие накладные расходы ложатся тяжелым бременем на доставку продуктов

из деревни. Город чувствительно сознает, насколько он зависит от деревни, несмотря на разные огороднические начинания.

Откликающиеся на все жизненные явления юмористические (если это веселое слово можно еще применить к изданиям, полным тяжелых и мрачных шуток) журналы часто говорят о городе и деревне: в одном из последних номеров известного „Симплициссимуса“ мы видим картинку, изображающую колоссальную фигуру крестьянина, на коленях которого, как игрушечная фигурка, стоит худощавый горожанин с тремя детьми, а внизу подпись, напоминающая известную народную сказку о детях-великанах, которые играли крестьянами-людьми, как куколками.

„О, крестьянин, некогда — так гласит седое предание — дитя великана взяло тебя, как игрушку. Сегодня мы все отданы в твою руку... поступи, как дитя великана, и дай нам жить“.

Движения на улицах Берлина, особенно сравнительно с Парижем и Лондоном, гораздо меньше, сокращено число трамваев, временами стачки служащих прекращают движение, быстрые повышения цен на билеты на короткое время уменьшают число пассажиров, но затем большие расстояния и боязнь истрепать дорогие сапоги берут свое, и вагоны опять полны народу, особенно в те часы, когда все спешат на работу и с работы. Когда вы всматриваетесь в лица, вас поражает большое число бледных, худых, озабо-

ченных и нервных лиц. В вагоне мне пришлось услышать, как с едкой иронией один пассажир говорил своей соседке:

— Есть и у нас категория людей, которым именно теперь живется особенно хорошо, это — специалисты по нервным болезням, у них-то теперь никогда нет недостатка в пациентах.

Этому легко поверить, так мучительно нервна во всех отношениях жизнь Берлина, где пульс страны бьется особенно интенсивно и неровно. Вне Берлина, особенно на юге Германии, жизнь гораздо менее лихорадочна, здесь и лица спокойнее и веселее и народ на улицах, в вагонах, в магазинах гораздо добродушнее и любезнее.

Нельзя сказать, чтобы прежде грубый берлинец теперь стал более груб, — он несомненно стал мягче и менее заносчив, чем раньше, у него нет прежнего пренебрежительного отношения к иностранцу. Думаю, что теперь уже невозможно то, что я сам испытал еще давно, за долго до войны, около Берлина.

В вагоне со мной ехала девочка-подросток, мы разговорились, и я случайно упомянул, что я русский; девочка удивленно воскликнула:

— Не может быть!

— Почему же? — спросил я.

— Наша учительница сказала нам, что все русские — дикари, а вы совсем не похожи на дикаря.

Таких вещей теперь, думаю, не услышишь, слишком сильно почувствовала Германия, что

она переоценивала себя, не дооценивая других, не говоря уже о том, что влияние русской культуры очень сильно чувствуется в Германии в самых разнообразных кругах. Создалось совершенно новое отношение к русским, о котором будет далее сказано особо.

Торговля и вообще жизнь начинаются в Берлине позже, чем прежде, и кончаются значительно раньше. Ночной жизни гораздо меньше, на этом сказывается и усталость, и физическое ослабление, и обеднение населения. Правда, служащим, рабочим платят через короткие сроки; постепенно с падением марки и повышением цен, последовательно увеличивают заработную плату и жалованье, торговцы повышают также систематически индекс, то-есть тот множитель, на который множится основная цена, но, во-первых, не все являются рабочими или служащими, а, во-вторых, и число покупателей страшно убывает, исключение составляют только покупатели съестных припасов. Таким образом, остается много народу, на котором падение марки болезненно отзывается: множатся не только нервные заболевания, о которых мы говорили, но и психические, число самоубийств все возрастает, растет преступность — грабежи, воровство. Оно распространяется даже на памятники на улицах и площадях, если только они сделаны из материала, который удобно продать; таким являются, особенно, металлы. Так, например, одна из прелестных групп, девочка с гусями, „Gänselisel“ на

Никольсбургерплац, осенью прошлого года стала терять одного за другим своих гусей, которых крали ночью. Теперь все подобные памятники убирают в безопасные места до лучших времен и, несомненно, это единственное средство их сохранить.

Развитие воровства и грабежей вы можете легко установить по газетам, где длинными столбцами идут сообщения о той или другой краже, грабеже, иногда даже убийстве, которые тоже множатся. Постоянные надписи во всех публичных местах, в больших магазинах, банках: „Остерегайтесь воров“ напоминают вам о том, что пошатнулась знаменитая немецкая честность. Та легкость, с которой теперь всякие служащие возьмут „благодарность“, — не менее грустное явление времени, но когда вы видите эти истощенные лица и случайно подхватываете обрывки разговоров между близкими людьми, в которых вы чувствуете горькую нужду людей, еще не достаточно привыкших страдать и нуждаться, вы поостережетесь резко осуждать то, что, конечно, не хорошо. Не знаю, часто ли берут взятки, может быть и даже вероятно, отдельные лица и берут. Я говорил лишь о том, что подходит под категорию „на чай“ чиновнику и что раньше было здесь почти немислимо. Правда, в отдельных случаях вы это встретите и в других странах, но не так часто, как здесь.

Жизнь, здоровая жизнь реагирует на падение

нравственности во всех областях, она усиленно создает общества, союзы, объединяющие людей, помогающие им в трудные минуты, стремящиеся оберечь их от падения, предъявляющие к ним известные нравственные требования. Но это пока еще, повидимому, капля в море. Правда, обращено внимание на молодежь, и это самое главное. Мало пользы исправлять старое поколение, которое постепенно само выходит из жизни, надо думать о молодых.

Мы видели, что изменился внешний вид Берлина, но что скрывается за стенами его домов, что думают те, что сидят иногда даже на крышах, в садиках, которые должны дать хоть уголок природы тем, кому теперь так мало и редко приходится ее видеть в действительности? Иностранцу в короткий срок не много удастся увидеть, услышать, понять, и все же он видит и слышит то, что более характерно, то, что составляет по видимости главное в жизни, ее основные проявления. На них мы и остановимся, и начать нам придется с решающего в жизни Берлина и Германии — с падения марки.

МАРКА

Хотя я совершенно не касаюсь вопросов экономических, в которых считаю себя не достаточно компетентным, но есть одно явление, которое не могу пройти молчанием: слишком глубоко оно влияет на всю жизнь Германии,

на психологию старых и молодых. Это постоянное, катастрофическое падение марки. Оно делает жизнь до-нельзя неустойчивой, на что уже я указывал, оно меняет всю психологию бережливого по природе и совершенно не легкомысленного народа. Прежняя основа жизни — сбережения — исчезла, ибо, что беречь? Падающую марку бессмысленно беречь, она скоро становится просто бумагой: при мне в вагоне молодой человек рассказывал, что собирает бумажные деньги известного образца, потому что у них хороший бордюр для фотографических обрамлений: купить даже только похожую и гораздо худшую бумагу неизмеримо дороже. Покупать иностранную валюту? Это запрещается, и ее могут легко отобрать в казну, можно попасть в нежелательную для обыкновенного обывателя категорию спекулянтов. Покупать процентные бумаги? Тоже дело неверное и требующее специальной осведомленности. Если есть много денег, может быть купить дом и сдавать квартиры? Увы, бесполезно, домовладельцы не сводят концы с концами, часто дома им в убыток: закон чрезвычайно ограничивает размеры квартирной платы и облагает дома налогами. Цены на все растут, а на квартиры прибавлять нельзя. Это могут делать только наниматели квартиры, сдающие от себя комнаты и с лихвой покрывающие скромные расходы по плате за квартиру и даже имеющие иногда недурной доход. Но ведь квартиры не купишь,

даже если и есть деньги. Остается одно: тратить, при чем опять по количеству имеющихся денег, которые необходимо тратить быстро, чтобы не пострадать от падения марки. Ничего действительно ценного купить нельзя, оно слишком дорого: мебель, платье, книги — все это слишком много стоит. Остаются: спиртные напитки, которые могут хоть на время поднять настроение, табак, тоже недурное, как будто наркотическое средство, театр и, особенно, кинематограф. И вот, при тяжелой общей жизни, полны рестораны, кафе, пивные, кинематографы, отчасти театры. И получается обиход жизни: днем работа, чтобы заработать на жизнь, вечером какой-нибудь дурман, ночью сон, так каждый день, кроме воскресений и редких праздников, когда днем не бывает работы и можно раньше начать одурманивать себя тем или иным образом, а средств к этому так много — на все вкусы и привычки. В Берлине бесконечное количество мест, где можно менять деньги, но здесь вы встретите, главным образом, иностранцев, которых очень много, особенно русских, и которые еще больше, чем берлинцы, заинтересованы в падении марки, так как большею частью живут на валюту.

Куда вы ни пойдете, всюду услышите разговоры о валюте, то-есть о долларе, потому что настоящей международной монетой стал теперь доллар, а не фунт стерлингов, как было раньше. Эта оправа валютного разговора отвратительна,

она нависла тяжелым кошмаром над всем. Первый взор, брошенный на газету, обращается у читателя туда, где курс доллара, потому что от цены доллара, обыкновенно, зависит весь предстоящий день, ибо все живут со дня на день, в зависимости от доллара и от создаваемых им цен. Тот, кто не жил этой ненормальной, лихорадочной жизнью, не может себе и представить, как она разбивает человека, как она мешает ему вполне нормально думать и действовать. Трудно представить себе, как может начаться нормальная жизнь в Германии, похожая на спокойную рабочую жизнь, как пойти настоящему выздоровлению, пока над страной висит долларный кошмар.

ЖЕНЩИНА

Глубочайшую перемену замечаешь в жизни женщин и девушек, перемену настолько глубокую, что ей, в сущности, надо было бы посвящать целую книгу, чтобы сколько-нибудь исчерпывающим образом выяснить эти изменения и их громадное значение в немецкой жизни. Как всякая радикальная перемена, она принесла много хорошего, но и много дурного. Как и в других странах, больше всего тут сделала война, пославшая мужчин на поле битвы и потребовавшая их замены женщинами во всей стране и во всех областях жизни.

Уже и до войны в Германии почувствовали всю ненормальность обречения женщин трем

„к“, как тогда говорили (Kirche — церковь, Kinder — дети, Küche — кухня). Женщина стала искать большего образования, независимости, освобождения от уз домашнего обихода, который целиком ложился на нее одну. Но старозаветные начала были настолько сильны в Германии, что выбиться к самостоятельности удавалось немногим, если не считать сравнительно многочисленных работниц и, отчасти, учительниц. И только война с ее неумолимо повелительностью потребовала новых форм жизни для женщины, оторвала женщину от дома, вывела ее на широкую арену общественной жизни.

Уже скоро пять лет, что женщина пользуется избирательными правами в законодательные учреждения, и любопытно, что и в Германии, как и в других странах, распространение избирательных прав на женщин не изменило в общем партийных соотношений: специально „женских“ политических партий не существует. Во время войны масса мест мужчин в управлениях и вообще в администрации было занято женщинами и частью продолжает ими заниматься, так как потери на войне были очень велики. Женщина почувствовала, что она может делать то, что делает мужчина, и что кончилась ее жизнь в тереме. На многих эта свобода отозвалась очень хорошо, но другим она внушила мысль о распространении свободы на все стороны жизни и, прежде всего, на область половых отношений, а здесь на ряду с действитель-

ным раскрепощением от многовекового рабства перед мужчиной-обладателем, стала проявляться разнузданность и легкость в отношениях. Заколебалась семья, начали страдать дети, появилось нежелание иметь детей, со всеми отрицательными последствиями этого взгляда на деторождение. В Берлине и раньше было не очень благополучно в области отношений между полами — теперь стало значительно хуже.

Появилось непомерно легкое отношение к сложным человеческим союзам, отношение, делающее душевную жизнь бедной и бледной, слишком спокойно и необдуманно уделяющее первенствующее место физиологии и даже кичащейся этим, как необыкновенным достижением нового времени, как концом старозаветных предрассудков. Это новое отношение женщин к мужчинам не имеет под собою даже почвы. Страсти, которая часто много значит в жизни и далеко не всегда имеет только дурное влияние. Здесь мы имеем дело скорее с нездоровым любопытством к тому, что так долго было запретным плодом. Что-то плоское и пресное вносится в человеческие отношения под названием свободы чувства. Хочется верить, что в Германии это явление преходящее.

Освобождающаяся и частью освободившаяся женщина очень скоро поняла, что ей необходимо совершенно другое образование, чем то, которое она получала раньше, если она желает сохранить свою свободу и добиться настоящего

равенства. Для женщин известного возраста уже было поздно переучивать все по новому, зато женская молодежь с усердием принялась за науку, а там, где экономически она не могла добиться всего, чего хотела в области образования, она все же старалась получить от школы все, что могла; шла в школу и училась с увлечением и усердием.

Таковы стремления женской молодежи в новой, изменившейся жизни, но стремления—одно, а осуществление—совсем иное. В этом отношении для Берлина характерные цифры дали обращения кончавших гимназию учениц в Landesberufsamt (бюро, ведающее профессиональными вопросами). Из числа 607 учениц, обратившихся за указаниями, только 22 предполагали остаться дома, не ища заработка на стороне, и только 24 могли себе позволить перерыв для отдыха между окончанием учения и поступлением на службу или в учебное заведение для продолжения учения.

Предпочтение отдавалось той работе, к которой можно немедленно приступить, с расчетом на заработок, или той, которая требует наименее длительной подготовки.

На первом месте стоит торговая карьера (контора, склад, продажа, банк), иногда ее выбирают девушки, даже не кончившие курса, которые имели в виду ограничиться каким-нибудь полугодовым курсом частной торговой школы. Их пытались отговорить, указывая на печальное

положение недоучек; увь, они могли только ответить, что их заставляет искать немедленного заработка нужда, и что они не могут думать о лучшем или худшем будущем потому, что необходимо думать о голодном настоящем их семей; оно чувствовалось в их малокровии, повышенной нервности и слабости. Бюро охотно бы отправило их на поправку в деревню, но только две счастливицы могли воспользоваться этим предложением. 37 девушек, получивших аттестаты зрелости, признались, что они ненавидят торговое дело, которому должны себя посвятить; это наиболее самостоятельные, наиболее способные девушки, страстно желающие учиться. „С какими чувствами вступают они в жизнь?“, спрашивает составительница отчета, одна из „советчиц“ бюро. Озлобленные и разочарованные, вечно меняющие места, они, может быть, надломятся на ненавистной работе. Бюро старалось всячески предоставить возможность пойти другим путем тем, кто этого хотел: шестерых удалось пристроить в ремесленный семинарий и в семинарий для подготовки к работе в детском саду. Но и тут две не могли поступить в семинарий для детского сада, потому что у их родителей не было денег для железнодорожного билета до семинария. Правда, целый ряд молодых девушек охотно, даже с увлечением, отдается торговому делу, они заботятся о том, чтобы получить наилучшую специальную добавочную подготовку для своей профессии, в тор-

говой школе, там, где можно лучше всего выучиться иностранным языкам, стремились поступить в „Восточный семинарий“. Те профессии, которые требовали более продолжительной учебной подготовки и приступа к работе не ранее, чем в 20 лет, мало кого могли привлечь, вследствие недостаточной обеспеченности учениц.

Остается сказать о тех счастливицах, которые могли мечтать об университете. И для них возможность изучать химию, медицину, политическую экономию, право, математику, филологию была сопряжена с необходимостью иметь во время университетского курса какой-нибудь добавочный заработок. Для девушек это необходимо так же, как и для многих студентов, которые летом работают чернорабочими, чтобы иметь возможность слушать лекции зимой.

Свой отчет по бюро составительница кончает грустными размышлениями о том, неужели ничего нельзя сделать для того, чтобы школа готовила к большему числу разнообразных профессий, ведь теперь „нужно только видеть большие укоризненные глаза тех, кто должны выбрать жизненный путь, не смея прислушиваться к внутреннему голосу и не имея возможности применить таящиеся в них силы“.

Да, особенно велика трагедия немецкой горожанки, в которой пробуждена потребность к знанию, к осмысленной работе, близкой ее сердцу, пробуждено сознание равноправия с мужчиной, которая чувствует свои способно-

сти и силы и должна, тем не менее, покоряться горькой необходимости и брать ненавистную ей работу. Немудрено, поэтому, что свобода, которой она номинально пользуется, представляется ей горькой иронией, и что она ищет выхода из этой мнимой свободы в самоубийстве или еще в худшем.

ИСКАНИЕ ОПОРЫ

Много говорят об усилившемся стремлении к религии. Несомненно, что чувствуется всюду потребность в твердой вере, в чем то, за что можно было бы удержаться при общем колебании и расшатанности жизни: это вера, к которой пришли отчаявшиеся. Это явление, которое мы наблюдаем не в одной Германии. Только вряд ли можно усмотреть в нем проявление действительно религиозности, ибо оно проявляется не только в одной области религии. Недавно появились интересные заметки Фрица Клатта по поводу новой религиозности, с очень тонким замечанием насчет того, что всякое увлечение каким-нибудь явлением принимает в своих проявлениях форму фанатического исповедания, становится делом уже не убеждения, а веры. Автор статьи видит в этом проявлении узость, которую он считает характерною для Германии наших дней и родившейся из сужения всей жизни: уменьшилось общение с внешним, внегерманским миром, и большее значение приобрели в жизни

народные массы, которым для широты взгляда не хватает пока образования.

Пробудившаяся религиозная жажда людей, попавших в беду, говорит Клатт, носит отпечаток узости. Это относится одинаково и к разным оттенкам христианства, как реформаторам жизни, буддистам, антропософам, теософам, и к верящим в расу арийцам и сионистам, а также (в науке и искусстве) строго правоверным кубистам, фанатичным неокантианцам и феноменологам, в особенности же к женщинам, ставшим верующими в специальном, политическом или религиозном отношении. И все, что теперь выявляется перед нами: библия, вегетарианство, гимнастика, веды, загробная жизнь, эуритмия, юдофобия, ненависть к французам и „Германия выше всего“, или всякая художественная или научная теория—все это для них становится делом веры. И вся вынужденная жестокость и лишенное истинного благочестия отсутствие любви сказывается уже в этом противоречивом соединении слов: „дело веры“. Их произносят с тою же остротой, с какою говорят „дело чести“, „дело есть дело“. И только отчаяние еще усиливает остроту. Каждый стоит одиноко и хочет спастись через свою веру, не думая о других. Он взывает к своему богу:

— Я покинут, я погиб, кто поможет мне?

— „Что выйдет из этой узкой, безрадостной веры, как она отразится на будущем Германии?“ спрашивает Клатт, „ведь это же не конечная

цель, не спасение, как это кажется тем, кто исповедует эту узкую веру“.

Картина, нарисованная немецким публицистом, достаточно мрачна, и если бы действительно то, что он рисует, было бы господствующим в Германии, то было бы от чего придти в отчаяние за ее будущее, особенно если представить себе молодежь, отравленную этою узостью. Смело, конечно, иностранцу возражать против туземца, но часто, как справедливо говорится, со стороны виднее.

Прежде всего можно указать на то, что в Германии наука, истинная наука, которая бесстрашно отбрасывает в своей творческой работе всякие „веры“, всегда сознавая свою ограниченность, условность и временность своих достижений, эта „чистая наука“ еще жива в Германии, имеет и крупных представителей и крупные достижения. Пока она жива, нечего бояться за победу узколобого фанатизма.

ЛИТЕРАТУРА

В литературе как-то особенно поражает сознательная и бессознательная апология слабого, проповедь безответственности. Любовь, о которой много говорится, на самом деле что-то случайное и второстепенное, играющее в жизни большую и зачастую роковую роль, главным образом, как явление физиологическое. Это не порнографическое отношение к человеку, кото-

рого, увы, так много в берлинской, вряд ли будет справедливо сказать, в немецкой жизни. Если и есть порнографические романы, то не они преобладают, не они характерны. Порнография в уличных листках, картинках, в литературе журнальных киосков. И все же, несмотря на отсутствие чисто порнографического элемента, чем-то больным и ненормальным веет от этих романов, чем-то скользким по жизни, не желающим отдать себе отчета в том, что делается. Случилось, произошло, это было вчера, минуту тому назад, а теперь уже другой день, другая минута. Глубокое слово „довлеет дневи злоба его“ превратилось в легкое отношение ко всему, что минутно, а минутно в сущности все, читаешь невольно в каждой строке. А раз минутно, то и не важно. Пережить, вернее ощутить, вот и все, к чему сводится жизнь.

Так характерны в этом отношении вещи Бонзельса, где его бродяга просто какой-то полуответственный человек. Другой тип бродяги мы встречаем у южного писателя Гессе, создавшего тип добродушного бродяги Кнульпа, которому тесно в городе, который всем существом связан с природой. Благодаря своему бродяжничеству он ничего создать не может, ни семьи, ни дома, не может стать и настоящим работником и умирает, искалечив бродяжничеством свое здоровье. Здесь мы находим человеческую душу и настоящую любовь, но опять ту же слабость воли, то же неумение творить жизнь и то же

отсутствие искания творчества. И вновь та же нота звучит в другом, совершенно иначе задуманном романе Гессе „Демиан“, названном так по имени героя. Характерен эпиграф: „Я, ведь, хотел попробовать жить только в том, что само хотело выйти из меня. Почему же это было так трудно?“ Здесь искание и ожидание нового, новой жизни и нового человечества. Оба героя— Синклер, от имени которого ведется рассказ, и Демиан ищут новых путей, окружающая их жизнь им представляется мертвой, отжившей, потому что в ней люди не нашли, не искали света. Все попытки объединиться кажутся им только результатом страха, вечной боязни, которая должна быть у людей, не познавших себя. Эта жизнь должна исчезнуть, для нее один выход — смерть, а новая жизнь настанет, когда действительно природа заговорит в каждом человеке, явятся новые течения, „которые, конечно, каждый день могут быть другими“. Эту мысль высказывает и таинственная, прекрасная женщина, мать Демиана. Кто она, не знаешь. Мать, любовница, друг? Что-то жуткое, холодное в этой женской фигуре, с символическим именем Евы. Автор, видимо, хотел сделать ее почти идеальной, а получилось холодное впечатление деланной непосредственности. Она говорит: „Да, надо найти свой сон, тогда путь станет легким. Но нет постоянно длящегося сна, каждый сон сменяется новым, и мы не должны желать удержать ни один из этих

снов“. И туманно она как-будто обещает увлеченному ею юноше, которому может быть матерью и с которым она сейчас обращается действительно, как мать, что, быть может, настанет время, „когда ваш сон будет вам совсем принадлежать, так, как вы его сами видите, если вы будете верны“. Смущают эти слова, и видишь в них ту же теоретическую непосредственность, которая так отталкивает в этой загадочной женщине. Роман кончается мировой войною, Демиан убит, но его „я“ вошло в сохраненного жизни раненого Синклера. Синклер нашел себя, но что с ним будет и каков будет новый мир, мы не узнаем.

Есть романы, передающие переживания во время войны, один из них любопытен тем, что это переживание немца, женатого на англичанке и находящегося во время войны в Америке. Это роман Вилли Зейделя „Новый Даниил“ (W. Seidel *Der neue Daniel*). Книга написана очень ярко, тяжелые переживания переданы правдиво и глубоко. Чувствуется глубокая антипатия европейца ко всему американскому, далекому, чуждому. Тонко подмечена эта разница в сцене, когда, появляясь к табль-доту, герой, по немецкому обычаю, кланяется: никто на поклон не отвечает, и только некоторые из сидящих смотрят на него удивленно, как на сумасшедшего. Кончается роман на принятии Германией условий Вильсона:— „Упал задушенный народ. Он кончил борьбу“. И далеко от родины герой чувствует глубочай-

шую связь с родиной, которая зовет его. Романов, стихов выходит много; несмотря на все трудности печатания и громадные цены на книги, выходит много изящных изданий, выходят великолепные иллюстрированные книги, стоящие громадных, для кармана среднего обывателя даже невероятных, денег, и книги расходятся, расходятся именно роскошные издания: это способ помещения капитала, эти книги, печатаемые в сравнительно ограниченном числе экземпляров, — они никогда не падут в цене и потом. Не мало выходит книг и по критике, и по публицистике, и по истории литературы, и здесь не могу удержаться от странного впечатления, которое они производят, за самыми редкими исключениями: все эти произведения изумительно многословны и отличаются большой запутанностью и вычурностью фраз, точно мысль бродит по какому-то словесному лабиринту и все заводит вас в тупики. Так жаждешь ясности, краткости, точности и никак ее не находишь. Точно в этих областях литературы немецкий язык переживает какую-то мучительную, томительную болезнь. Ясно, что он должен из этого как-то выйти, чтоб зажить вновь здоровую жизнью.

ТЕАТР, КИНЕМАТОГРАФ

С театром мне пришлось впервые познакомиться на пьесе, переделанной из известного цикла Гофмана о Крейслере, где столько авто-

биографического. К Гофману вернулась не одна Германия, им увлекались и увлекаются еще и у нас. Здесь приспособления цикла переживаний знаменитого капельмейстера Крейсlera пользуются большой популярностью и выдержали уже более ста представлений. Очень характерно именно это приспособление, одно из начинаний нового театра. Театр, как мы уже указывали, во многих своих разновидностях занимает очень большое место в Берлине, но он несомненно отстает от нашего, который разнообразнее и живее. Существует здесь и классический репертуар, и вы нередко можете увидеть на сцене, и в недурном исполнении, Шиллера. Широкой популярностью пользуется Гауптман. Немецкая комедия тоже не сходит со сцены, но здесь мало интересного, нового, яркого. Опера и балет международны, и русская опера и русский балет завоевали себе признание и в Германии.

Для широких слоев населения сильнейшим конкурентом театра является кинематограф, который скоро станет и говорящим. Он гораздо доступнее, репертуар его проще, но зато и неизмеримо ниже по художественному достоинству и нельзя не заметить, как он понижает художественное понимание и вкус. Он здесь много гибче театра и несравненно лучше умеет приспособляться ко вкусам малоподготовленных людей и потому публика кинематографа гораздо демократичнее, чем публика театральная. Тем более жалко, что кинематограф только приспособ-

соблюдается, а не пытается с надлежащей, конечно, осторожностью поднять в художественном отношении свой репертуар. В защиту кинематографа можно, конечно, сказать, что если он не удовлетворяет более требовательному вкусу, то зато он и не принижается до балагана и, что особенно важно отметить, ни разу не пришлось видеть ни малейшего намека на порнографию в кинематографе.

КНИГА

В заурядном еженедельнике, выходящем уже 25 лет, — „Ди Вохе“ (Неделя) этой осенью появилась заметка „Иссякающие колодцы“, которая с ужасом говорит о том, что исчезает книга. Вся статья — вопль отчаяния. Новые богачи и улицы не обращают внимания, говорит автор, улицы еще не понимает значения книги, в горькой нужде каждого дня ей не до того; а новый богач скупит библиотеку умершего от нужды писателя и поставит ее в великолепный книжный шкаф, куда велит поставить еще несколько деревяшек с великолепными кожаными корешками и пышными заглавиями. Но люди мысли понимают страшное, жуткое значение слов: немецкая книга исчезает, единение немецких научных издателей объявляет, что оно не может более печатать научных книг. „Великое безмолвное умирание“. Все это, конечно, правда, и можно каждый день прибавлять еще и еще новые печальные факты об исчезновении немецкой книги

и о поднятии „множителя“ (Schlüsselzahl)—автор статьи с ужасом говорит о множителе в 12 миллионов 22 сентября: сегодня, 16 октября, меньше чем через месяц, он уже 1 миллиард 100 миллионов, почти в 100 раз больше: сегодня же в газете читаю, что по экономическим соображениям 1 октября перестал выходить известный социалистический журнал Neue Zeit (Новое Время), основанный Каутским в 1885 году, в год смерти Маркса, и в котором сотрудничали Меринг, Бернштейн, Роза Люксембург; один за другим закрываются научные журналы и журналы общего характера, маленькая местная газетка стоит 30 миллионов, скоро книги и газеты будут настолько опережать в повышении другие предметы, что их смогут покупать только люди с валютой и очень немногие состоятельные граждане. Картина в достаточной мере мрачная, и все-таки... книги выходят, печатаются, несмотря ни на что, ибо современный человек не может уже возвратиться к первобытному состоянию, не может отказаться от пищи духовной, как не может отказаться от пищи телесной, ведь иначе жизнь теряет всякий смысл для него, а жить без смысла он не хочет. Это забыл автор статьи „Иссякающие колодцы“: преходящее ему представилось настоящим. Да, немецкая книга вместе со всей Германией переживает страшный кризис, но для того, кто знает Германию, ясно, что впереди возрождение, а не смерть.

Спорт, гимнастика глубоко интересуют тех, кто стремится удержать от разложения Германию и ищет пути к ее возрождению. При этом вспоминают тяжелые наполеоновские времена начала девятнадцатого века, с которыми немцы постоянно сравнивают происходящее теперь, и указывают на громадное оздоравливающее и укрепляющее значение, какое имело для Германии поднятое Яном движение в пользу гимнастики. Одно время думали даже о законе, который бы обязывал всякого до совершеннолетия заниматься телесными упражнениями, и только громадные затраты, которые бы потребовались со стороны государства для введения в жизнь этого закона, помешали его внесению на обсуждение законодательных учреждений.

Отличительной чертой гимнастики и вообще всякого спорта является та длительная выдержка, которую нужно проявить, если желать достичь положительных результатов, выдержка не только в работе над своими мускулами и над техническим усовершенствованием тех или иных движений, но и выдержка в общей тренировке, которая воспрещает какие бы то ни было излишества, требует большой умеренности во всем и большой дисциплины. Можно, конечно, очень разно относиться и к спорту и к гимнастике, стоит только вспомнить то глубокое презрение, которое питал, да, может быть, и не вполне еще

перестал питать русский интеллигент ко всему, что походило на спорт, и все-таки даже злейшие враги спорта должны признать, что это большая школа для воли человека и для его умения управлять собою. Это хорошо понимают и чувствуют в Германии, и недаром поэтому немецкая печать вызывает тень знаменитого отца немецкой гимнастики Яна. „Из дней глубочайшего унижения Германии родилась немецкая гимнастика“, пишет теперь немецкий журнал. „Как спасительный якорь бросил ее Ян своему народу в дикое море национальной беды и отчаяния. Великолепные всходы дал посев, и чудные плоды принес он на рынок. В ходе истории возвращаются былые времена. Взбушевавшие волны, которые носятся вокруг треснувшего германского корабля, неизмеримо грознее прежних... но еще жив немецкий дух“. Автор статьи признает, однако, что молодежь разнуздалась, одичала, и что, прежде всего, надо ее вернуть к работе, скромности, простоте, умению владеть собой. „Работать наш удел, продолжает он, и воспитать немецких работников наша священная обязанность. Борьба за жизнь, которая предстоит германскому народу, будет жестока. Только физически годное поколение, с крепкими нервами будет в состоянии выдержать эту борьбу“. На гимнастическом плацу нейтральная почва для всех: всем надо стать сильными, перестав быть слабыми. Все это в равной мере относится к мужчинам и женщинам, девушкам и юношам, Герма-

нии нужно не менее сильное физически женское поколение, чем мужское.

И, действительно, спорт и гимнастика увлекают Германию, все газеты полны сведений о спортивной работе, спортивных состязаниях, с трепетом ждут известий об участии немецких чемпионов в международных состязаниях, бурно приветствуют победителей, огорчаются поражениями. Только... на спорт и на гимнастику, для правильной и широкой их постановки, нужно очень много средств, а откуда их взять. У государства не хватает их на самые неотложные расходы. Тут поможет только частная инициатива, и ее участие укажет, насколько популярна идея физического возрождения Германии. Самый крупный гимнастический союз Deutsche Turnerschaft насчитывает около двух миллионов членов, цифра очень значительная. Последнее общегерманское собрание и состязание были в 1913 г., теперь через десять лет состоялось опять собрание, блестяще прошедшее и привлекавшее массы народа.

ОТНОШЕНИЕ К РУССКИМ

Для нас, русских, имеет совершенно особенное значение тот большой интерес, который проявляется в Берлине, повидимому и вообще в Германии, ко всему русскому. Не говоря уже о громадном количестве переводов произведений русских писателей, об исключительном почитании Достоевского, которое, правда, суще-

ствовало и до войны, о массе книг о России, я имею в виду то желание понять, что же такое мы, эти загадочные люди, которые еще так недавно казались такими отсталыми, а теперь безбоязненно, с величайшими жертвами производят мировой опыт построения новой жизни. Немцы видят и массу русских, живущих среди них, и других русских, приезжающих на время из России, о которой пишут и говорят столько противоречивого.

Недовольные собою, особенно остро переживающие это недовольство в современной обстановке, которую немцы считают для себя унижительной, они естественно обращают взоры на нас: французы им ненавистны, к англичанам они относятся с подозрением и недоумением, американцы слишком далеки от них по духу, слишком не европейцы. Остаются из больших народов одни русские. С одной стороны мы их привлекаем, мы ведь единственные из их противников в минувшей войне, которые не занимаются постоянным обвинением немцев за эту ужасную войну, они чувствуют, что мы не хотим вспоминать войны, хотим жить без ее кошмара; мало того, мы начинаем строить новую жизнь, основанную на мировых, международных началах. Все это так, думает немец, но как долго это продлится?

Среди многочисленных книг о России и русских, вышедших в Германии за последние годы, особенно интересны книги Нетцеля (K. Nötzel),

прожившего двадцать лет в Москве, а из его книг особенно поучительна одна: „Об общении с русскими, разговоры с русским другом“ (Vom Umgang mit Russen. Gespräche mit einem russischen Freunde), вышедшая в Мюнхене в 1921 г. Много истин сказано в этой книге о нас, сказано с вниманием и симпатией к нам. Любопытно, что Нетцель проводит резкую грань между интеллигентом и человеком „из народа“, и все его симпатии на стороне последнего, которого он тоже, впрочем, далеко не идеализирует. Он говорит: „я никогда не видел народа, который менее ожидал бы помощи от кого бы то ни было, чем русский народ“. Автор сошелся с „народом“ на фабрике, где он долго работал на руководящих ролях. Больше всего его поражало нежелание рабочего продвигаться вперед на настоящие руководящие роли, они предпочитают быть равными среди равных, и в этом Нетцель видел большие возможности к прогрессу, но не фабричного типа.

НАУКА

В ученых кругах вы услышите жалобы на упадок науки, на все возрастающую трудность работать научно. Действительно, работать научно в Германии очень трудно. Совершенно отчаянно положение с иностранными научными книгами, цены самых обыкновенных книг исчисляются на миллиарды, а миллиардов ученых получает немного, немного их получают университетские и

государственные библиотеки. Обмен идет туго и он не касается изданий частных фирм, а частным образом издается весьма многое на Западе и в области специальной научной литературы.

Пытаются фотографировать статьи из иностранных научных журналов, но и это становится слишком дорогим. Терпят нужду и многие лаборатории. Приходит, правда, помощь из Америки, Голландии, Швеции, но нужда громадна. Число служащих в библиотеках и музеях сокращают и соответственно сокращается и время пользования этими учреждениями. Вознаграждение ученого хоть и выше нашего, но все же мало его обеспечивает, спасают многих только небольшие состояния и владение домами, обеспечивающее жилище. Студентам тоже не легко работать, потому что зачастую нужно им зарабатывать самим средства на жизнь, так как родители не имеют достаточно денег.

Все это действительно рисует нам тяжелую картину положения науки в Германии. Но тот, кто, как пишущий эти строки, может сравнивать положение науки в разных странах, тот скажет о германской науке не то, что говорят сами немецкие ученые. Действительно, положение науки хуже здесь, чем до войны, но где оно не хуже? Какая страна может указать на двадцать с лишним одних университетов, не считая высших специальных школ? В какой стране имеется такое большое число разных специалистов? Если ограничено число крупных имен, то

где оно велико? В научной продуктивности ни Англия, ни Америка, ни, тем более, Россия не могут померяться с Германией. Да, есть ослабление, и большое, научной работы в Германии, но упадка нет: работает немецкий ученый, работает и студент.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Не могу не коснуться одной стороны немецкой культурной жизни, которой у нас до сих пор мало интересовались и, боюсь, и теперь еще мало интересуются, несмотря на ее громадное жизненное значение; я говорю о „Heimatkunde“ — краеведении, которое в нашем русском культурном обиходе явление в общем новое. Здесь это явление старое, потому что здесь всегда сильны были самосознание и потребность знать свою страну в настоящем и прошлом, знать ее возможности и ее достижения, знать о ней все, что возможно только знать. И теперь, в эти трудные годы не ослабло это стремление, а только усилилось, потому что новая, послевоенная Германия, если и стоит за единство, то при условии, что отдельные страны сохраняют внутреннюю свою независимость и свои местные особенности. При таком настроении ясно, что краеведение может только развиваться. Есть даже научные области, которые специально ждут помощи краеведов, так как только человек, живущий постоянно на месте, может собрать материал с достаточной точностью и полнотой.

В только что произнесенной речи нового ректора берлинского университета особенно подчеркивается большое историко-культурное значение изучения германских наречий и говоров. Языковедение показывает, что именно путем тщательнейшего изучения местных особенностей языка может быть достигнуто настоящее понимание истории языка. Все, что здесь сказано о языке, в большей или меньшей мере может быть применено к различным научным дисциплинам: через краеведение мы получаем новый научный подход к громадным материалам, подлежащим нашему исследованию. Все это прекрасно сознается в Германии и, благодаря существованию большого числа университетов и высших специальных школ, краеведческая работа здесь не лишена надежных и высококомпетентных руководителей. Нельзя не пожалеть об одном: что нет настоящего объединения этой громадной работы, нет потому и настоящей планомерности и взаимной осведомленности.

ИТОГИ

Подводя итоги своим впечатлениям от Германии, чувствую, что они как будто противоречиво двойные. Многого я не мог видеть, многого важного для понимания современного состояния страны, в этом отношении мой главный пробел школа — я был всюду в каникулярное время, каникулы теперь длинные, всюду на Западе пришли к убеждению, что лучше и интенсивнее

работает молодежь при длительных каникулах и что гораздо при этом производительнее и работа педагогического персонала: он может не только учить, но и учиться.

Но всего, все равно, никогда не увидишь и не узнаешь. Я видел достаточно, чтобы резко почувствовать ту двойственность, о которой говорю и которая не могла не отразиться на моем изложении. Немецкая жизнь тяжела, очень тяжела. Можно сказать на это: да чья же жизнь не тяжела в современном нам мире, не оправившемся после тяжелой, ужасной войны, мятежно или томительно ищущем новых форм жизни, страдающем от недостатка воли с одной стороны и пугающемся разных ее резких проявлений с другой? Разве не неизмеримо более трудное переживали мы, русские?

Это отчасти так, но есть громадная разница в том, как все это переживается и как оно может переживаться. Мы, русские, веками приучены всею нашею жизнью и характером страдать и терпеть так же безгранично и стихийно, как мы умеем и разрушать, в непоколебимой вере, что мы, разрушив, и выстроим; мы мало уважаем старое, отчасти потому, что плохо его знаем, а главное потому, что все еще стремимся вперед, безостановочно. В Германии совершенно другое дело. Стоит только посмотреть на карты России и Германии, чтобы понять громадную разницу этих двух стран: в одной все экстенсивно, в другой все должно быть интенсивным. Там гибнут

миллионы людей, на смену которым быстро вырастут новые, здесь каждая тысяча погибших людей уже чувствуется всей страной. Как в организме более совершенном и развитом, и здесь потеря отдельной части может быть губительной для целого. Здесь вся жизнь, снизу доверху, пронизана прошлым, рабочий — преемник, потомок мастера, профессор университета — преемник, потомок десятков поколений профессоров; многовековыми городами, церквями, домами полна вся страна. Вековые навыки, привычки покрыли свою паутиною всю жизнь. Громадная промышленность, торговля с целым миром, сознание, что по всему свету распространены немцы, и долгие успехи вкоренили чувство силы и непобедимости. И вдруг, внезапно все это рушилось. Те, кто мнили себя сильнейшими, оказались побежденными. Никто не мог сразу понять, как это все совершилось, пошли обвинения, самообвинения, самобичевание. В этот момент я и застал Германию: разрушение и падение велико, велико отчаяние и потеря веры в себя и в свое будущее, это все я видел, как слишком хорошо видят и все немцы, но я видел и другое, совершенно противоречащее этим отрицательным впечатлениям, и это другое, к сожалению, очень многие немцы не видят.

Чувствуется большая широта взгляда, более скромная оценка своих сил, признание ошибок, но и вера в себя, и непоколебимая воля к работе, к воссозданию жизни, ответственность перед

предками и потомками. Чувствуется, что в общем не утрачены превосходные рабочие навыки, далеко не утрачена, особенно в крестьянских массах, привычка к бережливости во всем, несмотря на тяжелые испытания валютных скачков. Слишком многое из трудовой и мыслящей Германии живо, чтобы не верить в возрождение Германии, вернее в рождение новой, лучшей Германии.

АНГЛИЯ

ГОРОД

Последние годы внесли и продолжают вносить много нового во внешний облик Лондона.

Целый ряд новых широких улиц, крупнейших городских артерий, вместо прежнего лабиринта узеньких улочек и проулочков. Эта работа далеко не закончена, и потому Лондон местами сохраняет вид перестраивающегося и еще не перестроившегося города. Характерно то, что на этих новых, а частью и на старых улицах, появился новый, континентальный вид домов, напоминающий более всего парижские. Эти постройки, а также, вероятно, и сильно изменившийся в сторону упрощения уклад жизни приводят уже и со временем приведут еще в большей степени к изменению прежнего дома-квартиры просто в помещающуюся, по континентальному образцу, в одном этаже квартиру типа, носящего название flat. Это перемена во внешней жизни довольно радикальная, и как она скажется на изменении

и внутренней жизни дома и семьи, пока сказать трудно.

Несомненно, что новые улицы и дома способствуют отчасти к украшению Лондона, но вместе с тем они, к сожалению, отнимают много от его оригинальности. Лондон никогда не был таким красивым городом, как, например, Париж или Петербург, но он в своей громаде, в своем историческом разрастании, со своими в общем маленькими домами представлял своеобразную прелесть чего то такого, чего вне Лондона нигде на свете не найдешь. Все это начинает исчезать, и если любители старины не сберегут в порядке исторической охраны каких-нибудь особенно характерных уголков Лондона, то старый город безвозвратно исчезнет.

Громадное расширение территории Лондона происходит благодаря тому, что город постепенно поглощает все пригородные места, местечки, деревни. Сперва появляется трамвайное или автобусное сообщение, незаметно начинают застраиваться пустыри, отделяющие местечко от города. Делается это убийственным образом: строятся целые улицы совершенно однородных домов, произведений какой-нибудь строительной фирмы, постройка идет с головокружительной быстротой, потому что все отдельные части в фабричном порядке уже заранее изготовлены, надо только произвести кирпичную кладку и приладить готовые части. С наименьшей скоростью идет сломка старых домов и постройка новых

внутри города, при чем и в пригородах и даже, повидимому, внутри города эта быстрота часто идет в ущерб прочности. В пригородах, к счастью, при каждом доме сохраняют участок земли для садика и иногда для огорода. Огороды и в Лондоне играют не малую роль в обиходе небольших хозяйств, помогая в периоды дороговизны овощей и неся на стол произведения собственной огородной работы. Заботы о саде и огороде и в детской жизни малоимущих семей занимают не малое место, создавая полезные навыки.

Неволью поражает то, что при малой заботливости о разнообразии, или хотя бы самом элементарном изяществе, владельцы увлекаются самыми фантастическими и громкозвучащими именами для этих не особенно привлекательных и, как мы уже говорили, поразительно однообразных построек. Правда, что в жизни почтальон, полицейский и тому подобные знатоки местности, знают, обыкновенно, только номера домов.

В пригородах мало торговли и только необходимые для ежедневного обихода лавки и представляют здесь торговлю, за всем остальным ездят, когда нужно, „в город“, благо сообщения идеально удобны и не очень дороги.

Те, кто в семье работают или служат, уезжают рано утром на работу и возвращаются к вечеру, к обеду, при чем в зависимости от средств или берут какую-нибудь скромную еду с собой или едят на месте службы или работы,

либо в соседнем ресторане. В счастливый субботний день все возвращаются раньше и полторадневный отдых стараются как можно лучше использовать или дома, или в каком-нибудь недалеком красивом по природе месте.

Лондон стал так велик, что, в сущности, он представляет из себя соединение ряда городов, сросшихся в одно огромное целое. Отдельные части его, однако, настолько отличны одна от другой, что иногда кажется, точно живешь в разных мирах. И в этом отношении Лондон мало изменился за те тридцать шесть лет, что я его знаю. Пропась, разделяющая эти три, столь изумительно разных мира — восток, квартал бедноты, нужды, часто ужасающей, деловой центр, и состоятельный запад — так велика, что трудно себе представить, как ее можно заполнить; правда, за последние годы все растет средняя часть, расширяясь за счет востока и запада и, может быть, она, в конце концов, многое поглотит, а там и соединит.

Пригороды, о которых я говорил уже, тоже, вероятно, с одной стороны улучшат жизнь людей на востоке, с другой — вберут в себя окруженные садами и скверами дома богатых, дворцы запада. Таким образом, и здесь побеждает деловой элемент: это он перестраивает целые улицы и кварталы, занимая их громадными, иногда почти монументальными постройками. Если он в состоянии не жалеть денег на постройки, то зачастую он не в состоянии разобраться в том, что нужно

бережно перестраивать или чего перестраивать нельзя.

Летом в одном из распространеннейших еженедельников появилась статья с характерным заглавием „Трагедия Риджент Стрит“, которая говорит с негодованием и болью об одной из действительно красивейших больших улиц прежнего Лондона. Автор указывает, что только в самые последние годы лондонцы стали понимать архитектурные достоинства этой улицы. При этом резко выявился один из характерных архитектурных английских предрассудков, ведущих свое начало от автора „Камней Венеции“ Рёскина и его многочисленных последователей, которые полагали, что архитектура имеет значение только там, где строительным материалом является камень, и что о зданиях, украшенных штукатуркою, говорить не стоит. Между тем, штукатурку можно красить и получить удивительные световые эффекты, что и имело место в Риджент Стрите. Автор при этом, с простительным патриотическим увлечением, говорит, что „Риджент Стрит была самою красивою улицею в мире“. Даже не соглашаясь с этим слишком явным преувеличением, ибо и в Париже и в Петербурге, верно и в других городах, есть улицы красивее, следует признать, что, уничтожая Риджент Стрит в старом ее виде, англичане совершили варварство, и, глядя на то, как перестраивается Лондон, нельзя не заметить, что варварства будет не мало.

В этом отношении свое дело делают и ужасные военные и после-военные памятники, относительно которых спрашиваешь себя, каким образом возможно было создать нечто столь бездарное и безвкусное? Я имею в виду, прежде всего, памятник павшим в великой войне воинам около Уайтхолля и, затем, памятник несчастной расстрелянной за мнимый шпионаж, а в сущности за помощь в побеге военнопленным, Мисс Кавелль. К чести англичан надо сказать, что все те, с которыми я говорил об этих памятниках, находили их ужасными, со вздохом прибавляя:

— Очевидно, мы утратили вкус, что не можем создать ни одного порядочного памятника.

Во всех этих перестройках, которые меняют и еще более изменяют вид города, не чувствуется никакой общей архитектурной идеи: перестройки носят характер чего то случайного, частичного. Между тем, Париж служит ярким примером того, каких поразительных результатов можно достичь при творческой руководящей архитектурной идее, которая сейчас в Лондоне отсутствует. Единственной удачной перестройкой можно признать новый квартал за Британским музеем, с его новым северным фасадом, если этой части города не испортят новыми экономическими постройками.

Но если меняется внешний вид Лондона, то пока мало изменилась его уличная жизнь.

Консервативность лондонской жизни как-то особенно выступает, когда пойдешь в Хайд-Парк,

знаменитый большой парк посредине Лондона, где около знаменитого Марбль-Арч (триумфальных ворот) можно видеть каждый вечер разнообразнейших ораторов на религиозные, политические, общественные темы, которые с трибун или скамеек до хрипоты упражняются в ораторских излияниях. Когда я в этом году, после тридцати шести лет, пошел опять слушать народных ораторов, мне показалось, что время остановилось, и что это те же ораторы, которых я слышал столько лет тому назад.

Здесь католик, доказывающий, что единое спасение в католической церкви, он оглушает слушателей ссылками на библию, евангелие, отцов церкви, призывает к молитве и покаянию. Его слушают, как и всех, внимательно, на его вызов ярые протестанты из слушателей начинают в свою очередь осыпать оратора текстами, цитируемыми вкривь и вкось, но с громадным увлечением и убеждением в правоте говорящего.

Рядом с ним молодой человек с громадным увлечением и убежденностью доказывает, что бога нет, вышучивает христианство и другие религии, прерываемый то сочувственным смехом, то негодующими восклицаниями. Вы чувствуете в нем такого же фанатика, как и в рядом с ним говорившем. И вообще мне казалось, что в Хайд-Парке у Марбль-Арч говорят как-то всегда фанатики. Может быть, в этом их сила, и потому их всегда слушает внимательная толпа.

Близ религиозных ораторов говорит социалист (коммунисты в те разы, что я был, не выступали). Он встречал тоже много возражений, но и много сочувствия, слушатели вообще отзывчивы и принимают часто участие в прениях, которые оратор всегда стремится вызвать. Свобода слова полная; чтобы вызвать вмешательство прогуливающейся здесь полиции, нужно перейти к каким-нибудь действиям.

Если лондонская уличная жизнь в общем очень консервативна, то есть одна ее сторона, которая сильно изменилась против прошлого и все больше и больше меняется,—это стремление широких кругов Лондона использовать прекрасные средства сообщения и, пользуясь праздниками, оставить за собою город и насладиться природою. „Таймс“ недавно коснулся этого вопроса и с увлечением заявил, что Англия, сама может быть того не сознавая, находится среди „революции передвижения“, последствия которой могут оказаться более прочными и длительными, чем последствия многих политических революций.

То постоянное передвижение в праздничное время, которое охватило всю Англию, сближает людей и с природой и друг с другом и учит многому, чему иначе не научиться, и что сильно повлияет на характер народа. Газеты и журналы подхватили эти слова газеты и обратили общее внимание на то великое переселение народов, которое теперь происходит в начале августа,

наполняя всю Англию странниками, вызывая с одной стороны громадный отлив народа из Лондона, с другой—прилив провинциалов в Лондон, куда многие из них до сих пор совершенно не ездили.

Трудно сейчас действительно предвидеть в полной мере ту перемену, которую это движение произведет в массах, до сих пор бывших весьма инертными и неподвижными. Мало вещей, действительно, так влияет на человека, как передвижения и странствования. Многие уже начинают пугаться за сохранность парков, лесов, лугов, всего, чем так гордилась деревенская Англия, и действительно, первые шаги нового великого переселения не обошлись без значительных повреждений и загрязнений.

Но печать справедливо отмечает: надо, чтобы массы учились ценить свое, ценить красоты природы, которые человек легко может изгадить и осквернить, этому движению масс к природе и передвижению полезно поучиться многим, ибо то громадное учительство жизни, которое заложено в странствовании, нельзя достаточно высоко ценить.

ЖЕНЩИНА

Важным мерилom для определения того, происходят ли в стране, в ее жизни действительно крупные перемены, является положение женщины в стране. И в Англии не мало изменилось оно за последнее время, и много нового внесено

в ее отношения к мужчине, и хорошего и дурного.

Прежде всего, несомненно девушки выходят позже замуж. Здесь причины и экономические и образовательного характера: девушка учится гораздо больше и дольше и не хочет выходить замуж, не доучившись. Вследствие этого в семейную жизнь она вступает гораздо более сознательным и видевшим жизнь человеком, что сразу или совершенно уничтожает неравенство с женщиной, или, во всяком случае, его сильно уменьшает.

В семье и благодаря лучшему образованию и благодаря большому пониманию жизненных вопросов, молодая женщина гораздо самостоятельнее, и, оставаясь в большинстве случаев хорошою женою и матерью, она меньше уходит в семью. Она долго сохраняет молодость, любовь к физическим упражнениям, которым с таким увлечением отдают себя молодые девушки в Англии, любовь к танцам и увеселениям. Теперь не редкость видеть мать и дочь и в спортивных упражнениях и в увеселениях вместе, как хороших товарищей.

В этом отношении современная английская женщина, нисколько не разрушая семьи, порвала с старыми обычаями исключительности домашнего очага. Ясно, что это изменение поведет за собою и другое: женщина, сохранившая и при детях умственную, душевную и физическую свежесть и силу, стоящая в широкой жизни, не те-

ряет мужа, которого зачастую удаляли от нее раньше дети и прежний домашний обиход. Он лишал женщину возможности знать ту более широкую жизнь, которою жил ее муж, и так часто это различное переживание жизни постепенно разделяло людей, начавших жизнь вместе нежными друзьями.

Правда, что для этой бóльшей свободы женщины требуются большие хозяйственные технические усовершенствования, для того, чтобы не страдал домашний обиход, особенно при весьма значительном сокращении прислуги — явлении, повидимому, всемирном. К счастью, техника приходит в значительной мере на помощь человеку, и способы готовить пищу, соблюдать чистоту и т. д. все совершенствуются на Западе, постепенно раскрепощая человека и избавляя его от многого, что раньше требовало человеческих рук и больших или постоянных усилий. Это все положительные стороны перемен в английской женщине, а следовательно и в семейной жизни. Перемены эти очень важны тем, что они являются, несомненно, уже прочными завоеваниями жизни, которую они чрезвычайно обогащают, так как дают возможность женщине и больше развиваться во всех отношениях и тем самым внести много нового в жизнь и семью. И вы это ощущаете на каждом шагу.

Но на ряду со всеми этими большими переменами, которые в сущности давно медленно подготавливались расширением женского образо-

вания и углублением его, а вместе с тем путем совместного обучения на здоровой почве сближали девушек и юношей, есть и стороны темные в новой английской женщине. Ими Англия обязана тому, что и в ее жизнь и в жизнь всей Европы внесло столько тяжелого и дурного, — великой войне.

Большая и в общем лучшая часть молодежи ушла на войну: жены остались надолго без мужей, невесты без женихов, сестры без братьев. Последствия сказались: одиночество, тоска всегда плохие советчики, жизнь становилась все труднее и труднее, часто не на кого было опереться в трудную минуту, а их было столько, и вот мы видим одну за другою семейные трагедии. Там, на фронте, человеку, каждый день рисковавшему своей жизнью, жившему в этой лихорадке войны, с нарушенной нормальной психологией, было трудно понять ту томительную, тоскливую жизнь дома, особенно там, где не было детей, эту потребность как-нибудь и чем-нибудь развлечься. Расшатывались семьи, расшатывались устои, и это чувствуется еще и до сих пор в слишком легком зачастую отношении к важным вопросам. Надо думать, что это явление временное.

ЛИТЕРАТУРА

Когда говоришь об Англии и англичанах, то надо всегда помнить, что нигде так резко не выделяется личность, как здесь, нигде она не

стоит так сильно особняком от массы. Но есть области, где, кроме массы в широком смысле этого слова, есть еще своя масса, своя менее широкая, специальная среда, тоже в значительной мере стоящая особняком от личности выдающейся. Из таких областей культурной жизни особенно выделяется своим сравнительно высоким уровнем литература. Очень выработалась техника, очень поднялись требования к общеобразовательной подготовке писателя и, вместе с тем, очень велики возможности получить такую подготовку.

Даже для того элементарного писателя, который ищет скорее заработка в писании рассказов и газетных сообщений, чем путей к настоящей литературе, существуют „библиотеки для писателей“. Вот одна из них: том первый „Руководство композиции“, написанное каким то профессором Висконсинского университета в Америке, второй том — „Механика писания“ его же, с указаниями насчет фразеологии, правописания, сложных слов, сокращений и т. д., с упражнениями и указателем, третий том — „Работа над сочинением“, четвертый — „Писание новостей“ — для корреспондентов, пятый — „Современный краткий рассказ“, шестой — „Реклама“. Все руководства чисто практические, дающие совершенно определенные, конкретные советы. Когда читаешь дешевую книгу и многие из периодических изданий, то так и чувствуешь влияние „руководств“, и нельзя сказать,

чтобы они так уже плохо действовали: вырабатывается известная приличная грамотность и более требовательное отношение к себе.

Такие руководства встречаются и более высокого типа, например, „Как писать роман?“, где благоразумно, после целого ряда остроумных замечаний и указаний, говорится, что все-таки самое главное и необходимое — талант.

Из большого числа вполне читаемых и большей частью не бездарных романов, которые продолжают выходить почти попрежнему в большом количестве, в то время как их менее счастливые собратья, книги научного содержания, все сокращались в числе, трудно указать что-нибудь выдающееся. Больше всего обратил на себя внимания роман молодого Давида Гарнетта, дед которого был одним из известнейших старших библиотекарей Британского музея, — „Lady into Fox“ „Дама, превращенная в лисицу“. Книга наделала много шума и вызвала ряд недоуменных замечаний: что это — сатира, аллегория? Настолько необычным казался рассказ, что в нем пытались непременно найти скрытый смысл. Между тем, повидимому, автор хотел воспользоваться правом сказочника на создание небывалых, „сказочных“ вещей и передать как можно более простым языком сказку-рассказ. На глазах у М. Тебрика его молодая жена превращается внезапно в лисицу. Почему, так мы и не узнали. Миссис Тебрик теперь маленькая рыжая лисица, которая умоляющими

глазами, взглядом его жены, смотрит на молодого мужа. Любящий муж берет ее домой, перестреливает всех собак, которые могли бы повредить его жене-лисице и принимается ухаживать всячески за нею, мирясь со своим несчастьем. Лисица сперва сохраняет в значительной мере человеческие чувства: так, она стыдится того, что на ней нет одежды, и муж заботливо одевает ее в какую-то кофточку. Лисица подводит мужа к фортепиано и просит его поиграть ей. Но постепенно лисья натура берет верх, и, под конец, лисица, к великому горю Мистера Тебрика, убегает. Через несколько месяцев она возвращается с тремя лисенятами, и Мистер Тебрик убеждается, что превращение в лисицу окончательно совершилось. Однажды, он видит и лисицу самца, отца лисенят. Конец превращенной в лису женщины обыкновенный лисий: несмотря на все усилия Тебрика собаки на охоте убивают ее.

Один из критиков остроумно заметил, что с той минуты, как автор совершил превращение женщины в лисицу, не давая никаких толкований этому странному чуду, он уже покорила своего читателя, а тем, что после ведет рассказ просто, в виду ряда естественных событий частью из жизни человека, частью из жизни животных, он приковывает внимание читателя до конца. Нельзя не признать, что рассказ Д. Гарнетта — крупное литературное достижение. Таких достижений, к сожалению, мало в современ-

ной английской литературе: старые писатели или совсем не пишут, как, например, давно умолкший Киплинг, наднях избранный ректором С. Андрыюсского университета в Шотландии, где он свою вступительную речь посвятил Бёрнсу, или как Харди, как Уэлльс идут по старым своим стопам.

Как будто жизнь поставила перед человечеством такие громадные и трудные вопросы, что литература не решается еще к ним подойти, не знает, как к ним отнестись, и тем более не знает, как их разрешить. Между тем казалось, что именно новая женщина и новый мужчина с их во многом изменившейся психологией и отношениями должны были привлечь писателей, потому что новая жизнь требует нового творчества.

ЦВЕТНЫЕ

И еще одно, не только английское, но и мировое явление, которое особенно сильно ощущает английская раса, — появление на культурной арене цветных людей. В минуту опасности призвали индийцев и африканцев, соединились с японцами и китайцами, и теперь надо считаться с последствиями: старое отношение к „ниггеру“ невозможно, у французов оно уже уступило место сочувственному отношению к цветным людям: еще этим летом французское правительство в очень резкой и определенной форме стало на защиту двух дагомейских прин-

цев, которых, как „черных“, кутящая на Мон-мартре компания американцев велела выкинуть за двери. Последствия изменившегося отношения к „цветным“ сказываются в многочисленных браках, приводящих англичан в большое смущение. Жизнь берет свое и уравнивает и соединяет, но пока „цветной“ вопрос на Западе, и особенно в Англии — больной еще вопрос.

БЫСТРЫЕ СМЕНЫ

Одна из больших трудностей для понимания Англии и англичан это те совершенно разные впечатления, которые выносишь, когда всматриваешься в широкую, обще-английскую жизнь, с одной стороны, и в жизнь отдельных личностей, кругов и кружков, с другой стороны, ибо насколько элементарны и просты первые впечатления, настолько же сложны вторые. Нигде, может быть, нет таких разительных контрастов между массой, толпой и личностью, как в Англии. Этим, может быть, и объясняются здесь трагедии больших людей.

Приходится очень остерегаться в суждениях об Англии, когда их даешь без оговорок и в чрезмерно общей форме: слишком уже легко, даже хорошо зная Англию, просмотреть важное и значительное, которое укрылось от невольной, за недостатком времени, не достаточно углубляющегося во все взора путешественника. Тем более трудно узнать эти многообразные прояв-

ления „английского духа“, что зачастую сами англичане плохо знают весь этот мир быстрых переживаний, что здесь вихрем проносятся моды на людей, книги, картины, пьесы, музыку.

Не успели вы услышать о каком-нибудь новом произведении, представлении, как оно уже оказывается устарелым, и в той среде, которая им увлекалась, оно уже забыто для нового героя, для нового увлечения. Так иногда всплывают после многих лет какие-нибудь имена, которые все стараются отождествить с знакомыми представлениями и тщетно. Не раз приходилось это испытывать, когда я спрашивал о ком-нибудь, о котором много читал английских же книг и статей, и получал удивленный ответ: — „мы его не знаем“, или „да, да, действительно им когда-то интересовались и кто-то о нем писал“.

Так, мне недавно пришлось спросить в Англии об очень талантливом журналисте, оригинальном писателе, и мне ответили:

— Ах, этот, — какой-то чудак! Его теперь никто не читает.

Недавно еще Лафкадио Хирн пленял своими откровениями японской души, а теперь, когда в одном из еженедельников появилась о нем статья, читатели старались припомнить, что они из него читали. Даже Оскара Уайльда, с его трагической судьбой, начали забывать и вспомнили опять только, когда этим летом Миссис Траверс Смит, дочь известного профессора Доу-

дена, напечатала беседы с его духом, печальные пародии на произведения блестящего ума покойного. Справедливо „дух“ шептал:

— Пожалейте Оскара Уайльда, который в миру был царем жизни.

А между тем, каждый раз, когда увлекаются кемнибудь, то столько об этом пишут и печатают, что так легко возобновить все в своей памяти. Но нет, нигде так быстро не забывают эти литературные, художественные, даже общественные увлечения: в этом году умерла дочь героини знаменитого процесса Парнелля, который стоил всей карьеры, а потом и жизни знаменитого вождя Ирландии. Сколько пламенного лицемерного негодования было тогда излито на столбцах английских газет, была загублена карьера блестящего парламентского деятеля из-за его личной жизни, до которой, казалось, никому не могло быть дела, а теперь... мельком некоторые газеты напомнили о былом, никто не тронулся, все было забыто.

Конечно, и в других странах многое очень быстро забывается, и мода сменяет моду, но как будто нигде это не происходит так быстро и основательно, как в Англии. Почему? Потому ли, что Англия живет богатою разнообразною жизнью? Вряд ли в этом отношении жизнь ее богаче других стран. И не потому, конечно, чтобы англичанин отличался легкомыслием, в этом его вряд ли кто когда обвинял и обвинит. Скорее всего здесь приходится искать раз-

гадку в чрезвычайной подвижности англичан тех кругов, в которых сменяются интеллектуальные моды. Речь идет здесь вовсе не только о богатых людях, ибо англичанин умеет путешествовать и удивительно дешево. Люди подвижные видят много и потому привыкают быстро менять впечатления, и перемены становятся им необходимостью.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

За Англию безусловно надо признать умение создавать и совершенствовать периодические издания, начиная с толстых журналов, выходящих четыре раза в год, и до ежедневной газеты. Самую удачную форму, однако, мне представляются еженедельники, выходящие, по большей части, в субботу, когда у занятого даже человека есть, впереди субботний вечер и воскресенье. Еженедельники существуют, конечно, давно, но за последние годы они значительно оживились и улучшились, приблизившись к более широкому кругу читателей. Правда, что благодаря этому читатель с высокими требованиями потерял любимое свое чтение, тонкую критику, специальные, превосходно составленные обзоры по самым разнообразным вопросам, интереснейшую переписку между утонченными знатоками-читателями и редакцией, которая составляла украшение таких изданий, как „Academy“ и „Athenaeum“. Но и это крупное социальное явление, этот читатель стал так малочислен,

что им уже никакие журналы держаться не могут. Явление это надо полагать временное, но с ним приходится считаться и, в сущности, особенно жалеть о нем не приходится.

Для утонченного читателя есть строго специальные толстые журналы и книги, и у него всегда есть возможность удовлетворять свою жажду знания. О новом читателе, менее знающем, менее вдохновляющем редактора, надо подумать и позаботиться, и в этом отношении английская журналистика сделала изумительно много: нет страны, которая могла бы с нею в этом отношении сравняться и по богатству, и по разнообразию материала, и по умению представить его читателю интересно и доступно. Читаются еженедельники усердно и далеко за пределами Лондона и даже далеко за пределами Англии.

Любопытно в этом отношении отметить письмо одного из читателей еженедельника „Spectator“ из Ново-Гебридских островов. Он пишет, что получает его от приятеля в Англии, который сам жил на этих островах и знает, какое там значение имеет английский журнал. Свой экземпляр пишущий письмо обменивает с семьёю товарищами офицерами, с которыми потом обсуждаются отдельные статьи. Потом номер посылается на одну из плантаций, где хозяин читает журнал сам, а затем посылает его по деревням своим друзьям. Сильно потрепанный номер затем, вероятно, раскуривается

в деревне, где особенно ценят для курения печатную бумагу. Редакция прибавляет, что может только гордиться тем, что журнал раскуривают после такого странствования.

Действительно, когда вы просмотрите несколько еженедельников и особенно, если вы дадите почитать их несколько недель подряд, вы убедитесь, как превосходно они задуманы, как прекрасно выполнено задуманное и как богат тот материал и как разнообразны те сведения, которые даются читателю: постоянный читатель еженедельника узнает о всем замечательном, происходящем в мире и получает ценное руководство для своего чтения.

Сперва идут обыкновенно главные события за неделю в разных областях жизни в Англии и за границей; английские журналисты изумительные мастера в самых кратких чертах ярко и выпукло передавать суть происшествий. Затем идет несколько руководящих статей, по возможности разнообразя темы от недели к неделе; статьи эти обыкновенно пишутся высококомпетентными людьми и особенно отражают направление еженедельника. Затем в зависимости от журнала идут более мелкие статьи и заметки, иногда небольшие литературные вещи, иногда переводные, так, например, в Nation и Athenaeum этого года появились небольшие вещи Горького. Потом, обыкновенно, не мало места уделяется письмам читателей, необыкновенно интересной части журнала, часто указывающей, что инте-

ресует и волнует английскую публику. Затем идут обзоры, литературные, музыкальные, художественные, научные, и рецензии, все чрезвычайно продуманное и обдуманное, с целью дать как можно больше и по разнообразию и по важности. Чтение английских еженедельников особенно теперь доставляет громадное наслаждение, и можно только удивляться и недоумевать, почему ни одна страна не следует здесь прекрасному примеру Англии.

КУЛЬТУРНЫЙ РЕГРЕСС

Одно из сильнейших и вместе с тем самых тяжелых моих впечатлений было впечатление от Британского музея, который я знаю уже 36 лет и где я проработал несколько лет на протяжении этих тридцати шести годов. Британский музей имеет, как все знают, самую большую библиотеку в мире, а с его музейными сокровищами могут до известной степени соперничать только Лувр в Париже и Эрмитаж в Петербурге.

И что же? Знаменитый читальный зал Британского музея, где работало столько поколений английских ученых, из-за экономии закрывается не в 9 часов, как раньше, а в 6. Таким образом, все те, кто занят до 4 часов службою, лишены возможности работать в этой лучшей библиотеке Лондона. И не только на это простирается экономия: я не нашел многих важных,

новейших книг, я не нашел даже некоторых английских книг, отпечатанных в Индии. Кредиты на закупки книги уменьшены. Те, от кого зависит это сокращение или сохранение кредитов, несомненно, забыли, что через несколько лет в библиотеке получатся пробелы, которые, верно, уже никогда не заполнятся.

Ту же экономию и вызванное ею сокращение штатов я нашел и в других частях Британского музея: так сокращен научный персонал, что зачастую оставлен один хранитель на несколько отделений, ничего общего между собою не имеющих. Разумеется, что это обстоятельство не могло не сказаться на выставке музейного материала и правильности определений.

Все друзья Британского музея и поклонники, а таковые имеются во всем мире, никак не могут помириться с этими печальными изменениями в жизни крупнейшего до сих пор музея в мире, которому, если обстоятельства не изменятся, придется уступить первенство другим.

По отношению к науке приходится признать, что Англия стала на опасную дорогу экономии, при чем особенно сильно страдают науки гуманитарные. Мы уже видели, что важнейшая научная лаборатория и центр настоящей научной пропаганды, Британский музей, находится в опасности и уже не может выполнять с успехом своей руководящей роли, благодаря сокращению штатов и кредитов.

То же сказывается на научных изданиях и

научных журналах, объем которых значительно сокращается и, особенно, опять по отношению к наукам гуманитарным. Здесь с ними происходит то, что некогда происходило с науками естественными, когда в 1864 году Комиссия по исследованию общественных школ констатировала, что „естественные науки в сущности исключены из круга предметов воспитания высших классов Англии“, Комиссия справедливо прибавляла: „это явный недостаток и большое практическое зло“.

Слово Комиссии теперь, через шестьдесят лет, можно было бы, увы, обратить на то, что происходит с науками гуманитарными и не в одной только Англии. Никто теперь не будет, конечно, отрицать громадного не только фактического, но и методологического значения математики и естественных наук и того, что им в преподавании должно быть отведено весьма значительное, сейчас, может быть, даже самое значительное место, но на них одних строить все образование—это значит делать нашу молодежь в значительной мере слепой и глухой, потому что они окажутся круглыми невеждами в том, что касается человека.

Это тем более тревожно, что даже естественные науки сами по себе начинают казаться в Англии многим слишком отвлеченными и теоретичными, и на их место в свою очередь начинает становиться техника, и тут уже представителям естественных наук, нападавшим на пред-

ставителей гуманитарных наук, как слишком больших теоретиков, далеких от жизни, приходится самим защищаться от таких же нападков со стороны техников. Все эти важнейшие вопросы было бы, конечно, гораздо легче разрешить, если бы можно было их обсудить на международных совещаниях, но сейчас, пока еще не улеглась взаимная ненависть и недоверие, нечего и думать о широких международных конгрессах, а когда улягутся дурные страсти, кто может сказать? То, что видишь на Западе, в этом отношении мало утешительно.

В самой Англии опасность того, что происходит, начинает сознаваться, и в „Таймсе“, в одном из номеров его педагогического еженедельника летом появилась знаменательная и замеченная многими статья „Гуманизм в техническом образовании“ по поводу речи сэра Томаса Холланда во время летних курсов для инженеров-преподавателей в Оксфорде: „технолог, сказал сэр Томас Холланд, — никогда не может остаться просто экспертом в своей мастерской. Он имеет обязанности, как гражданин; ему приходится сталкиваться, и притом на почве конкуренции, с другими людьми, с большинством из которых он не может объясняться исключительно при помощи языка техники, того языка, которому он научился в специальной школе. Чтобы быть оцененным должным образом, он должен понимать других, и другие должны его понимать: ему необходимо гуманитарное образование“.

И эти слова и статья стоят в связи с тем направлением, которое принимает движение индийской молодежи к образованию.

Мы сейчас видим у них реакцию против прежнего чрезмерно литературно-гуманитарного образования, которое так долго господствовало и в Индии, в ее высшей и средней школе, и в тех английских школах, куда устремлялась индийская молодежь. Теперь замечается как раз обратное движение, тяга в сторону технического, в лучшем случае естественно-исторического образования, и делается это уже с большою исключительностью, как я мог убедиться, перевидав много молодых индийцев в Англии, Франции и Германии. В разговорах с ними — это все были техники, естественники, медики — меня поразило их удивительное незнание своей страны. Я не говорю уже о ее прошлом, история Индии им была совершенно чужда, хотя они и говорили о великой индийской культуре (им совершенно неизвестной), но даже и современная Индия, за узкими пределами их непосредственной родины, была неизвестна и как бы чужда. Не говорю уже о том, что о Европе, ее истории и литературе и вообще культурной жизни они имели самые смутные понятия. Два, три блестящих исключения широко во всех отношениях образованных индийцев делают еще только более ярко общую картину.

Что принесет такая молодежь в свою страну и своей стране? Вот теперь Индия стоит перед

громадной важности событиями, ей дано широкое самоуправление, и сама она стремится к еще большему, но кто это все осуществит? Это узкие специалисты, техники, годные только для мастерских, врачи, в лучшем случае, годные для госпиталей, которые, конечно, не сумеют справиться самостоятельно с широкими санитарными задачами, столь трудными именно в жизни.

Трагедия новой ультратехнической школы та, что она не оставляет учащимся времени и досуга для сколько-нибудь удовлетворительного общего образования, и правы те англичане, которые считают такое положение дела угрожающим. Только когда речь идет об Англии, то почти всегда знаешь, что люди здесь, обыкновенно, спохватываются во время, а не тогда, когда уже поздно.

Университеты, особенно старейшие — Оксфорд и Кэмбридж — стоят накануне еще более крупных реформ, чем те, которые производились в них все эти годы, при чем тенденция этих реформ — определенная демократизация этих важнейших очагов высшего образования. Спор между университетами, сознающими необходимость реформ, и правительством состоит в том, что университеты желают провести реформы сами, как автономные учреждения, а правительство боится, что в таком случае реформы не будут достаточно решительны. Университеты и защитники их автономии справедливо указывают, что в университетском деле их компетенция неизме-

римо выше компетенции правительственных чиновников.

Ясно, что в значительной мере в руках самих университетов сохранить в эту важнейшую в их жизни минуту свою автономию: им надо далеко пойти навстречу жизни, сперва финансовыми реформами, которые сделают возможным поступление в университет и малоимущим студентам, раз они будут удовлетворять научным требованиям для слушания лекций, а затем и реформами программ преподавания, которые во многом устарели. При этом, очевидно, друг другу дадут бой техники, естественники и гуманитарии, на недоразумения и несогласованность между которыми в Англии мы уже указывали.

В старые университеты должно влиться больше новой крови, чтобы они не отстали от жизни и чтобы они сами, при том немедля, произвели те реформы, которые обеспечат им сочувствие более широких кругов, иначе они рискуют, что за них это сделает государство, которое, как мы видим по многим английским правительственным комиссиям, далеко не всегда достаточно компетентно в вопросах науки и школы.

„СИМВОЛ ВЕРЫ“ ЗАНЯТОГО ЧЕЛОВЕКА

Самопомощь, умение достичь и выпутаться из трудных обстоятельств это несомненно основная нота английской жизни и раньше и теперь.

Не терять зря времени и, коли работать, так работать, а когда придет время для отдыха, тогда отдыхать. В одном из еженедельников помещен был летом характерный символ веры „занятого“ человека.

„Я верю в товар, который продаю, и в фирму, для которой работаю, и в мое умение добиться успеха. Я верю, что доброкачественный товар может быть доставлен честным людям честным образом. Я верю в работу, а не в хныкание, и в удовольствие, которое мне доставляет моя работа. Я верю, что человек добывает то, чего добывается, что одно дело, сделанное сегодня, стоит двух, которые будут сделаны завтра, и что ни один человек не пал и не пропал для дела, пока он не потерял веры в самого себя. Я верю в сегодняшний день и в работу, которую я делаю, и в завтрашний день и работу, которую я надеюсь сделать, и в несомненную отплату, которая держит в своей власти будущее. Я верю в вежливость, доброжелательство, благородство, бодрость, в дружбу и в честное соревнование. Я верю, что где-то несомненно есть, что делать для всякого человека, который хочет делать. Я думаю, что теперь я кончил, — за дело!“

Когда встречаешь англичан в повседневной жизни, то чувствуешь, насколько типичен этот символ веры; да, англичанин, прежде всего, честный, верный, надежный человек, и исключения только подтверждают правило.

И известная уость так типична; англичанину

всегда трудно стать на неанглийскую точку зрения, несмотря на то, что он так много путешествует и так много видит другого. Это другое поражает его больше всего тем, что оно не английское, а то, что не английское, ему кажется не надежным, не настоящим.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

За той жизнью, которую видишь на улице, в ресторане, в харчевне, в вагонах, в гостиницах, всюду есть еще другая более внутренняя жизнь, особенно мало доступная иностранцу, потому что это в значительной степени жизнь полунамеков, слов, понятных только своим. Об этой жизни надо догадываться, ее надо стараться понять и почувствовать в той другой, открытой, доступной жизни, в книге, журнале, газете.

В Англии это особенно нужно, потому что англичанин, по крайней мере средний англичанин, плохо может выявить свою внутреннюю жизнь, а, обыкновенно, даже и совершенно не хочет. Надо поэтому здесь в то, что видишь, слышишь, читаешь, постоянно вдумываться для того, чтобы не понять всего этого превратно. И сколько здесь надо понимать слов, намеков, которые всякий понимает, но которые так трудно знать иностранцу, а если не знаешь, то впечатления от здешней жизни блеклые, а не яркие.

Конечно, у каждого народа есть этот элемент недоговоренного, подразумеваемого, но в Англии

его как-то особенно много, точно так же, как много, твердо, установившихся форм жизни, которые так всем знакомы и понятны здесь, что никто уже и не чувствует, что в сущности правильно было бы говорить не о „китайских“, а об „английских церемониях“. Возьмите хотя бы такую мелочь: разве русский будет держаться какого-нибудь порядка в адресе на конверте, в обращении в письме? Один раз так, другой раз иначе. Здесь это немыслимо, потому что это просто будет сочтено за неграмотность. В Англии требование грамотности распространяется далеко за пределы грамоты, и надо признать, что если иногда это обременительно и даже тяжело, то на самом деле это большое могучее средство самовоспитания, которое так необходимо каждому: не распускать себя. Англичанин не распускается.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Англия так разнообразна даже независимо от четверного деления на собственно Англию, Шотландию, Ирландию и Валлис, что в ней и до сих пор необыкновенно богато развита местная жизнь, изумительно сохранились наречия, говоры и особенности быта. Оттого в Англии с очень давних пор было чрезвычайно развито в самых разнообразных формах краеведение, и литература почти необъятна; существуют частичные обзоры по отдельным графствам и городам, но общего обзора пока не существует.

В Англии краеведение как-то приняло некоторый сельский оттенок, который чувствуешь и в самом названии краеведения „rural lore“. Разделенная издавна на ряд отдельных стран и местностей с резко своеобразным характером и в отношении рельефа местности и в отношении населения, Англия не могла не развить уже издавна яркого представления о маленькой родине, о которой думал не только живущий в ней, но куда стремился вернуться и уехавший за далекие моря и никогда не забывавший родного угла англичанин.

Таким образом, местная литература, носящая многие отличительные черты краеведческой, существовала, как я сказал, издавна, но только за последнее время явилось ясное сознание необходимости всестороннего изучения отдельных местностей и объединение этого изучения под краеведческим уклоном. Как великолепные организаторы, англичане, раз они поняли значение краеведения, постарались поставить его надлежащим образом, и в отдельных частях страны мы имеем несомненно образцовые организации. Чувствуется, что краеведение стало на ноги и скоро покажет богатые результаты своей работы.

АНГЛИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Если Англия разделяет современное мировое националистическое увлечение, то у нее оно во многом шире, благодаря тому разнообразию

стран, которые входят в состав великой мировой империи, какую пока является Англия. Каковы будут судьбы этого объединения, сказать пока трудно, много зависит от того, на какую почву его поставит заседающая теперь конференция всех составных частей империи. Я рассматриваю здесь вопрос не с точки зрения политической, а лишь с точки зрения культурного общения.

Есть несомненно чувство солидарности между метрополией и тем, что теперь уже не называется более колониями, а „dominion“, слово, которое очень трудно передать со всеми его оттенками, дающими понятие о значительной независимости „владений“. Такие громадные страны, как Австралия, Канада, Африканские владения, — с необыкновенной быстротой развивают свою самостоятельную и во многом своеобразную жизнь, и трудно предсказать, захотят ли они последовать примеру Америки или, напротив того, пожелают теснее спаять великий англо-саксонский союз. Пока, несомненно, связь еще очень крепка и поводов к разделению, сколько-нибудь императивных, нет.

Во много раз сложнее отношения с Индией, где стремление к самостоятельности очень велико, несмотря на все трудности, какие такая самостоятельность представила бы для Индии, не составляющей теперь сколько-нибудь единого целого и разделенной на много различных стран. Живя в Англии, не можешь не чувство-

вать, что сейчас индийский вопрос — вопрос дня, очень болезненный и совершенно не разрешенный даже „громадными“ реформами последних лет. Индия теперь новая страна, с развивающейся промышленностью и народившимся у нее рабочим классом. Индия перестала уже быть только земледельческой страной, и это, конечно, больше всего изменило ее облик.

ОТНОШЕНИЕ К РУССКИМ

Естественно, что вопрос об отношении к нам, русским, должен был интересовать меня и в Англии не менее, чем в других странах. Мне показалось, что в общем Россией мало интересуются сейчас: мода на русский театр, русское искусство, русские кустарные изделия прошла, о действительной России знают мало и представляют ее себе больше в виде разоренной страны, где все культурное разрушено.

С величайшим изумлением выслушивали сообщение о том, что все большие музеи в полной сохранности и усердно посещаются. Большинству моих собеседников это казалось каким то чудом, и я слышал, как они передавали об этом своим знакомым с знаками глубокого сочувствия и уважения к тем, кто в такие трудные и сложные времена сумел сохранить культурные ценности мирового значения. На этом сочувствии, в общем кончается интерес к нам.

Конечно, великие русские писатели, на пер-

вом месте Достоевский и Толстой, неоднократно переведенные, сохранили большой круг читателей, но уже как писатели - классики мировые, а не как русские.

Новая и новейшая русская литература мало переводится, и ею мало интересуются. Это объясняется отчасти и враждебным отношением значительной части периодической печати к новой России. Впрочем надо сказать, что, следуя общему националистическому уклону, который чувствуется во всех странах, англичане и другими неанглийскими народами интересуются значительно меньше, чем раньше, тем более, что теперь всюду доставать иностранную книгу или газету требует значительного напряжения: магазинов, торгующих иностранными книгами мало, газетчики продают весьма ограниченное число иностранных газет, и то по высокой цене.

Таким образом, чтобы в Англии, да в сущности и в других странах, следить за иностранною жизнью, нужны теперь немалые средства и много предприимчивости. Тем более это относится к России, так как русские книги и газеты почти невозможно достать в Лондоне и подавно в других частях Англии. Рабочие интересуются гораздо больше всем русским, и им хочется знать, как складывается наша жизнь, и каково действительно наше новое строительство, о котором так много пишется отрицательного и о котором они более подробно слышат иногда от своих товарищей, побывавших в России.

Англичане не любят учиться иностранным языкам, и потому в Англии мало людей, знающих русский язык, а без знания языка очень трудно знать и понимать чужой народ. И все же, если сравнить то, как совсем почти раньше не знали России в Англии, и как теперь все-таки некоторое представление о ней имеют, то мы вправе сказать, что между прежним отношением к нам и теперешним громадная разница: начинает сознаваться, что с Россией надо познакомиться, как следует.

ФРАНЦИЯ

ГОРОД

Париж в центральных своих частях переменялся мало.

Так же очаровательны старые уголки, с прелестными дворами, где по старым стенам вьется плющ, так же гармонично красивы широкие улицы и бульвары с рядами высоких домов, где заботливые руки держат закрытыми створчатые деревянные ставни, чтобы не выцветали мебель и обои.

• Всюду те же опавшие листья на бульварах и брошенные бумажки на улицах, которые не очень тщательно подметаются, — Париж, при всей своей красоте, никогда не был образцом порядка, чинности и чистоты, и это, может быть, и делало его еще более привлекательным. Теперь, когда столько молодых рабочих рук исчезло с войною, еще труднее блюсти чистоту и порядок, и вы это особенно чувствуете в пригородных парках и дворцах: что сломано, почти

никогда не чинится, зарастают травой дорожки за отсутствием садовников, треснувший асфальт не чинится, как мало и недостаточно чинятся и образцовые когда-то дороги, некогда лучшие в мире.

Надо соблюдать экономию, нельзя тратить недостаточные силы и скудные денежные средства на то, что является роскошью по сравнению с необходимой постройкой разрушенных городов и деревень. Но жилищная нужда велика в Париже, и приходится строить дома по окраинам, маленькие домики для одной семьи, как их умело строят англичане. Сообщения с окрестностями удобны, и все больше растет „Большой Париж“, подобный „Большему Лондону“ (Greater London), постепенно вбирающий в себя пригороды.

Этот новый, поясом обрастающий старый город, новый Париж лишен очарования старого исторического Парижа, для него срываются укрепления, столько лет сохранявшиеся, уничтожаются исторические форты. Приток людей в город настоятельно требует жилищ, и по возможности здоровых жилищ, и зелени, ибо в очень большом городе только забота о гигиеничности жизни может спасти население от вырождения, надо сознательно заботиться об улучшении воздуха, зараженного дыханием городской громады и ее испарениями. Красота должна приноситься в жертву гигиене. Это делается с тем более легким сердцем, что красота и прелесть старого Парижа сохранены. Конечно, когда жить станет

немного легче, то приведут в порядок и окрестные парки Фонтенбло, Трианон и многие другие, которые сейчас навевают невольную грусть и вызывают своею запущенностью воспоминания о прежнем великолепии и порядке.

На левом берегу набережной Сены вы по-прежнему можете часами рыться в ящиках с книгами и, как утверждают опытные библиофилы, можете находить редчайшие вещи, первые издания, экземпляры с авторскими посвящениями и автографами, одним словом все то, что дорого сердцу книголюба. И, как прежде, вы видите этих библиофилов или, напротив, тех искателей дешевых книг, перебирающих том за томом, из которых столь многие сохранили еще излюбленную желтую обложку. Все это то же, что было и тридцать и сорок лет тому назад, исчезли только книжки в традиционную цену три франка пятьдесят сантимов и заменились книгами в пять франков и семь пятьдесят. Если книга осталась по старому в лотках на набережных, то она этим не удовольствовалась: в отличие от прежнего Парижа, где книжные лавки были крайне редки, вы теперь их найдете почти на каждой улице, начиная от роскошных, громадных магазинов крупных издательств до маленькой лавченки крайнего квартала, где книги ютятся наряду с письменными принадлежностями. Это, несомненно, новая черта послевоенного Парижа. И в книжных магазинах вы всегда встретите покупателей, как вы их встретите, в еще большем,

может быть, числе, чем прежде, под галлереями Одеона, где книга продается с небольшой уступкой, и где, кроме того, можно свободно перелистывать все новинки: сколько бедных студентов и вообще бедных читателей глубоко обязаны этой бесплатной читальне литературных и научных новинок; новый Париж ценит Одеон не меньше, если не больше, чем его ценил в свое время старый Париж.

Движение на улицах людей, автомобилей, автобусов, трамваев поражает не только, конечно, после Петербурга и Москвы, но даже и после Берлина. Но по сравнению с Лондоном Париж тихий город и сравнить движение на парижских улицах с лондонским нельзя.

Против прежнего Париж производит очень серьезное впечатление, чувствуется всюду сосредоточенная работа, стремление напряженным трудом заменить сотни тысяч рук, которые уже никогда больше не будут работать. Город гораздо раньше становится безмолвным: рано встающий Париж ложится тоже рано. Число кафе и ресторанов, которые поздно открыты, сравнительно ничтожно, и то большая часть из них обслуживает иностранцев. Большие званые вечера и обеды стали гораздо реже.

Это опрощение жизни сказывается на всем жизненном обиходе француза, на одежде, квартире и т. п. Мы уже видели эту экономию и в том, что касается внешнего вида дорог, улиц, парков. Всюду, конечно, чистота и порядок, всюду то

стремление к изящному, которое так характерно для Франции, страны „вкуса“. Но над всем царит благоразумная экономия, которая является такой хорошей жизненной школой: зря не бросается ничего, даже при самой интенсивной работе.

При работе по возможности тоже экономизируются силы в сознании, что лишних рук, значит лишней человеческой силы, в стране мало, и ее надо, по возможности, заменять механической; пользуются и опытом Америки, с ее изумительными рабоче-техническими достижениями.

Если, таким образом, с одной стороны вы чувствуете, что все живет интенсивной работой, которая проникает всю жизнь и делает ее почти целиком снизу доверху трудовой, то вы чувствуете и другую силу, которая управляет французской жизнью, это — экономия. Не скупость, не жажда сбережений, а здоровая, относящаяся с уважением к продуктам труда экономия. Я говорил уже о том, как ничто не бросается зря, старые газеты собираются, платье перевертывается. Какое-то глубокое уважение вызывает к себе это бережное отношение ко всему, к чему был приложен человеческий труд.

ЭКОНОМИЯ

Франция всегда была экономна, но теперь экономия получила какое-то совершенно особен-

ное, нравственное значение, приобретенное во время войны, когда экономия имела громадное, непосредственное значение. Это, несомненно, одно из немногих хороших последствий войны.

Все как-то сознают, что воссоздание жизни должно опираться на труд и бережливость, а вся страна живет мыслью и надеждою этого воссоздания, возвращения к нормальной жизни, без постоянно гнетущей мысли о только-что пережитой, но не изжитой войне.

Но в этой, справедливой в общем, экономии есть одна печальная сторона. Франция, как, увы, и все другие страны Запада и Востока, слишком легко распространяет в первую голову экономию на нужды культуры, как не дающей осязательных немедленных результатов для жизни. Видно напрасно твердят, что это экономия разорительная, которая обедняет, а не обогащает.

КНИГА И ЯЗЫК

Мы уже сказали, что увеличение числа книжных магазинов поражает при прогулках по Парижу. Это увеличение ведет свое начало все от той же вездесущей здесь войны. Велась она, как мы все хорошо знаем, главным образом, борьбою в знаменитых траншеях, когда долгими месяцами противники, часто отделенные друг от друга всего небольшими пространствами поля, отсиживались почти не передвигаясь. И коротать эти долгие дни и ночи лучше всего

было с книгою. И книги посылались громадными количествами самого разнообразного содержания. Мало интереса, насколько мне пришлось слышать от участников войны, вызывала к себе только порнография: лицом к лицу со смертью, когда кругом гибло столько близких, не тянуло, видимо, к этой легкой литературе. Мне говорили, что в большом ходу были книги научные, популярные трактаты, классики и, с другой стороны, книжки, описывавшие жизнь солдата, этого „poilu“ — волосатого, как его прозвало народное словесное творчество, создавшее рядом с литературным и разговорным языком обывателя новый язык „la langue du poilu“, который плохо понимают даже французы, более далекие от военной жизни. В книгах последнего времени вы постоянно наталкиваетесь на этот новый язык, который имеет уже свои словари и даже исследован с научной стороны опытными лингвистами. Сохранится ли он и оставит ли он глубокий след во французском языке, сказать пока трудно, но несомненно, что пока и этот своеобразный язык и его мысленный уклад связаны с французскою действительностью, и с французскою литературою, и с французскою книгою вообще.

ЛИТЕРАТУРА

Нужно, конечно, провести гораздо больше времени в стране, чем мог это сделать я, чтобы отдать себе полный отчет в том, что предста-

вляет собою современная литература Франции, но известное представление о ней я получил.

Больших и сильных вещей нет. Оно и понятно: слишком интенсивна сама жизнь, слишком живы все переживания, чтобы можно было еще находить их отражение в литературе. Делаются попытки и, конечно, совершенно тщетные, путем разных конкурсов и премий вызвать более интенсивное творчество. Но как всякие попытки вмешательства в эту сферу, которая не терпит никакого вмешательства, даже самого доброжелательного, все эти премии не могут создать того могучего творческого движения, которого не дает сама жизнь. Премии и конкурсы отмечают только некоторые более талантливые, чем средний уровень, произведения разных направлений, которых, как и раньше, не мало.

Несмотря на разнообразие направлений и настроений теперешней французской литературы, можно несомненно уловить известные господствующие в ней ноты. Прежде всего, несомненно желание очистить литературу от всяких порнографических элементов. Характерно в этом отношении лишение известного писателя Маргерита кавалерства почетного легиона за его последний роман „La garçonne“, в котором было усмотрено оскорбление французской женщины. Конечно, эта карательная мера так же мало принесет пользы, как и поощрения премиями.

Да она и была совершенно не нужна, именно

потому уже, что сама жизнь во Франции не на стороне порнографии; раньше, когда вы просматривали в уличных газетных киосках иллюстрированные журналы, еженедельники, альманахи и тому подобные книжки и листки, вас поражало обилие пошлых, порнографических изображений и рассказов; теперь, это все точно рукой сняло: серьезный тон жизни проник и сюда, видно, что никого это уже не забавляет, и чуткая по отношению к господствующим вкусам повременная печать уловила этот оттенок настроения широких кругов.

Какая причина этой перемены? Мы уже указали ее: вся жизнь стала гораздо серьезнее. Ведь надо сказать, что очень многое, что во французской литературе раньше принималось за порнографию, было в сущности просто грубоватой, со специфическим чувственным оттенком шуткой; чистая порнография с ее утонченными подходами и зачастую внешне строго корректными формами была гораздо более международной, чем чисто-французской. Эта старая гривуазная шутка исчезла в значительной мере и из жизненного и из литературного обихода.

На место ее явилось желание тихой, спокойной, мирной жизни, как можно менее напоминающей только-что пережитые мучительные годы войны. Читателю хотелось увидеть в творческом изображении художником жизни выражение своей мечты.

Этим, по моему, объясняется необыкновенный успех „колониального“ романа Луи Эмона „Мария Шапделэн“ (так произносили мои знакомые французы это имя, а не Шаделэн, как произнесли бы его мы). Мне кажется, что не прав почтенный русский критик, который так говорит о героях разбираемого им романа:

„Такие образы больше всего успокаивают нервы, баюкают среднего городского читателя, который боится перемен и ничего не хочет, кроме покоя и укрепления старого уклада жизни“.

Никто, думается мне, не верит в сущности во Франции в возможность возвращения к старому укладу жизни, где большинство в житейском подчинении у меньшинства. Мое впечатление и по отношению к Франции, как и к другим странам Запада, было то, что и там произошел глубокий внутренний сдвиг, не столь лишь ясно обнаруживающийся, как у нас, где все социальные вопросы революцией поставлены во всей их ширине и глубине.

И если роман Эмона увлек французских читателей, с многими из которых мне пришлось беседовать о нем, то вовсе не идеей возврата к какой-то старой жизни, а просто необыкновенно здоровым и простым подходом к жизни, той простотой, о которой всем мечтается. Хочется поверить, что жизнь может быть богата и содержательна не только в утонченных, болезненно-сложных формах городского существования, но и в простых формах деревенской

жизни. Понятно поэтому, почему мы имеем перед собою колониальную, канадскую, а не европейскую французскую деревню: французская деревня, увы, не имеет, очевидно, чарующей прелести канадской, ибо французский крестьянин пока бежит еще из деревни в город, где он в значительной мере теряет свой облик.

Вообще колонии — Африка, Индо-Китай, Канада — привлекают французских писателей современности, во-первых, тем, что перед многими из них носится идея „Великой Франции“, которая обнимет все страны французской культуры и разрешит тяжелый вопрос уменьшения населения собственно Франции, глубоко мучительный и тревожный, а, во-вторых, интересом к „цветному“ и к чужестранцу, воспринимающему французскую культуру.

На ряду с этим живейший интерес вызывают и романы, посвященные жизни глухой провинции, в которой многое так чуждо парижанину. Громадный успех имел в этом отношении роман Шатобриана „La Brière“.

Романов выходит не мало, и они выдерживают не мало изданий, и все же нельзя сказать, чтобы они занимали, как раньше, видное место в жизни французского интеллигента, читающего теперь скорее „серьезную“ книгу. Отчасти ослабление интереса к роману объясняется, мне кажется, тем, что при почти полной невозможности переправить значительное число книг за границу французский роман мало известен вне Франции,

а тем самым и пользуется меньшим вниманием и на своей родине. Припомним только, какое значение для известности Золя имела его ранняя популярность в России.

ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ

Под триумфальной аркой, от которой к Площади Согласия спускаются Champs Elisées, плита с надписью— „неизвестному французскому солдату“: здесь похоронен один из тех многих неизвестных убитых, которыми были покрыты поля северной Франции во время великой войны. В том, что он зарыт именно под триумфальной аркою, символически выражена идея непобедимости Франции. И невольно вспоминается при этом другой памятник, знаменитая „Траншея Штыков“ на высотах около Вердэна: под тяжелой каменной крышею, которую поддерживают тяжелые каменные столбы видна земля, наброшенная, чтобы заполнить до верху ров; из земли торчат частью погнутые, частью прямые, ржавые штыки. Здесь, стоя, похоронены защитники Вердэна, которые и умерли, стоя в этой траншее смерти: вам кажется, точно сквозь землю вы видите костлявые руки, держащие ружья, штыки которых вы видели.

Да, французы еще и теперь умеют ставить памятники, делающие то дело, которое должен делать каждый настоящий памятник. В долинах смерти, которых, увы, так много, разбросаны

эти памятники: куча камней, лев на пьедестале, крест, пирамида и т. д. Рядом с этими памятниками ряд других, которые вы встретите в Сорбонне, в *École Normale*, в музеях, библиотеках, во всех общественных зданиях, это доски с именами убитых из числа работавших в данном учреждении. Жутко от этих списков смерти, в которые внесена лучшая молодежь Франции. Здесь вы как-то особенно остро чувствуете весь ужас губительной войны, все те глубокие раны, ею нанесенные, которые не скоро еще залечатся.

Полтора миллиона, по большей части, рабочей молодежи, работников умственного и физического труда выбито из строя. Новую жизнь надо строить скорее, ибо всюду в мире ее строят, а работников сейчас мало, ведь младшее поколение еще не подросло. Оно, к счастью, подрастет к тому времени, когда не так остро, как теперь, будет стоять вопрос войны, может быть даже оно сумеет забыть эту ужасную войну. Как отзовется на нем решение, принятое властью, вести школу в значительной мере под знаменем классицизма, а не естественных наук, как то стремится Англия, этого сказать еще никто не может, ведь вообще последствия школьных экспериментов сказываются не скоро и часто заставляют себя долго ждать.

Оставшиеся в живых молодые — по большей части люди крепкие, немного мрачные — пережитого на войне им видно не забыть — работо-

способные и энергичные. Облик их ближайших приемников еще не достаточно, мне кажется, ясен. Одно уже видно теперь: это поколение спортивное, как и вся Европа. Девочки, несомненно, ближе стоят к мальчикам, и об их образовании заботятся гораздо больше уже с самого раннего детства.

Но в общем в методах воспитания не чувствуется и не замечается пока ничего особенно нового. Тут опять видна тяжелая рука войны: с одной стороны погибло очень много воспитателей, с другой—несомненно ослабла теоретическая педагогическая мысль. Слабость общения с остальным миром, все то же тяжкое наследие войны, отзывается крайне неблагоприятно на педагогике.

НЕНАВИСТЬ К ГЕРМАНИИ

Тяжело висит над жизнью ненависть к Германии и к немцам. Казалось бы, что победителю легче забыть ужасы войны с ее зачастую столь страшной, бессмысленной жестокостью. Разоренные департаменты, которые с такой настойчивостью отстраиваются, напоминают болезненно об этапах страшной войны.

Только постепенно возвращаются сюда жители, принося чувство ненависти; ненависть свою они разнесли по всей Франции своими рассказами о пережитом. Не могут, конечно, забыть и полтора миллиона убитых, забывая, что немцев убито еще больше. Здесь чувствуешь

особенно сильно, как мало еще изжита война, до чего болезненны воспоминания о ней. Почти никто не говорит „allemand“, все почти говорят только „boche“, и так говорят самые культурные люди, так говорят ученые о своих немецких коллегах, работ которых многие даже и не хотят читать.

Нам, пережившим и изжившим страшную войну в еще более трудные и сложные переживания революции в стремлениях к строительству новой жизни, чужды эти чувства. Дорогою ценою мы купили понимание того, что в жизни надо уметь забывать, если хочешь жить и строить жизнь. Путем крови и страданий дошли мы до сознания, что в новую жизнь войдет только тот, кто забудет кровь и ненависть. Нельзя безнаказанно питать в себе чувства злобы и нежелание забыть. Хочется верить, что Франции не нужны будут тягчайшие уроки, чтобы понять и усвоить себе великий человеческий урок забвения крови и насилия.

ЖЕНЩИНА

Громадная перемена произошла в жизни французской женщины, как и женщины в других странах. Работа женщин во время войны помогла уничтожению предрассудков относительно ее неспособности к „мужской“ работе, потому что во всех областях женщины заменяли находившихся на фронте мужчин. Во Франции

эта замена имела место в самой широкой степени, и потому так глубоки перемены и в психологии французской женщины и в отношениях мужчин к женщинам. Незаметно для всех, то равенство, о котором раньше было так много споров, стало совершившимся фактом. Всем стало ясно, что в борьбе за существование страны, женщина все время боролась бок о бок с мужчиной. Во всем чувствуется, что это признание равенства не временное, что это есть окончательное приобретение.

То же явление мы видим и в Германии и в Англии, но отношение самой женщины к громадной совершившейся по отношению к ней социальной революции во Франции другое, и имело оно иные последствия.

В то время, как в других странах мы замечаем определенное желание женщины иметь свою обособленную жизнь, известное отдаление от мужчины, желание самостоятельной работы и заработка, во Франции мы видим, что женщина, стремящаяся к равному образованию с мужчиною, к обладанию возможностью самостоятельности и обособленности, мало пользуется своими достижениями в этом направлении, а предпочитает нести приобретенный опыт и знания в семью; семья от этого, конечно, много выигрывает, выигрывают и отношения мужчин и женщин между собою. Та серьезность, которая так ярко выступает в новой Франции, несомненно, в значительной степени обязана

своим существованием новой француженке, ее глубокому подходу к разрешению жизненных задач.

Уже и раньше, конечно, многие из этих положительных черт существовали во французской женщине, и только привычка судить о ней по романам создавала такие фантастические и неверные представления о французской семейной жизни у иностранцев. При этом надо еще отметить, что иностранец, который не имел личных связей с французами, и особенно с французскими семьями, получал свои неправильные представления от столкновений с той стороной французской жизни, которая существовала и существует отчасти еще и теперь специально для иностранцев. Конечно, и во Франции, как и в других странах, на почве продолжительных разлук разыгралось во время войны не мало тяжелых семейных драм, но благодаря тому, что война происходила на французской территории, и большая часть французских войск была расположена сравнительно недалеко от мест жительства воевавших, сравнительно частые побывки домой поддерживали очень сильно французскую семью. Чувствуется, что она вышла наименее потрясенной из ужасов войны. Значительное сокращение, из соображений экономических, прислуги, которая, обыкновенно, была женскою, тоже отозвалось благоприятно на развитии женской самостоятельности, так как прежним прислугам пришлось или искать заработ-

ков, где они могли быть более независимыми, или остаться в семье, работая в домашней обстановке. Домашняя хозяйственная обстановка, столь далекая от наших первобытных форм жизни с дровяною топкою, базарною продажей ограниченного числа пищевых продуктов, продаваемых в самом первобытном виде, позволяет французской хозяйке справляться со своими обязанностями при гораздо меньшей затрате энергии и оставляет ей свободное время для самостоятельной жизни, столь мало доступной нашим переобремененным хозяйкам.

ЦВЕТНЫЕ

Вопрос цветных рас остро стал перед всем миром: европейцы до мировой войны, ревниво оберегавшие „белый“ престиж, во время войны, уступая необходимости, призвали цветные войска на фронт. Когда кончилась война, и азиаты и африканцы естественно решили, что если они могли умирать наравне с белыми, то они имеют право и жить с ними на тех же равных основаниях.

Представители англо-саксонской расы в Англии, в ее владениях и в Америке, отнеслись к этому вопросу иначе, и отношения между ними и цветными тяжелые и натянутые. Совершенно иначе отнеслись французы, которые поняли, что будущее Франции связано во многом с ее темнокожими гражданами.

На этой почве этим летом в Париже разы-

грался характерный инцидент. В одном из кафе на Монмартре кутила американская компания. В ресторан явились двое „черных“. Американцы потребовали удаления „черных“, и хозяин ресторана, не желая терять богатых клиентов, удалил „черных“ в грубой форме. Они оказались дагомейскими принцами, людьми с высшим образованием, вообще, по всей вероятности, людьми гораздо более культурными, чем кутящие американцы. Печать подняла шум, правительство выпустило официальное сообщение, что оно извещает всех пользующихся французским гостеприимством иностранцев о том, что Франция признает за своими цветными гражданами те же права, что и за белыми, и предостерегает иностранцев от всяких посягательств на честь и спокойствие цветных французских граждан.

Мнение русских людей давно уже такое же, какое теперь решились провозгласить французы. Русские и в старое время не привыкли обособлять себя, как „белых“, от других народностей, какой бы ни был цвет их кожи.

Но взгляд этот, как мы видим, далеко не популярен в Западной Европе.

Для Франции это дело большой важности, в виду ее африканских владений, заселенных „черными“, и в виду ее отношений к передней Азии и к колониям в Индо-Китае. Положение, занятое Францией в „цветном“ вопросе, глубоко беспокоит и Англию и американцев, ко-

торые не могут не сознавать, что при подобном отношении Франции, а также и России, им не удастся долго удержаться на своих позициях; мы видим, что в Индии Англия пошла уже на громадные уступки.

Приходилось неоднократно слышать, что благоприятствующее отношение французов к „цветным“ не выражает их истинного мнения, гораздо более близкого к англо-саксонскому. Во Франции и раньше уже, и при том давно, было гораздо лучшее отношение к „цветным“, чем у англичан и американцев. Все пережитое за годы войны только укрепило такой взгляд французов.

Браки между белыми и черными уже не столь редки, как раньше, и они заметным образом возрастают в числе. Жизнь, таким образом, разрешила уже этот вопрос во Франции, и старые предрассудки, если они еще кое-где и сохранились, должны уступить место новым взглядам и пониманиям.

БОЛЕЗНЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ

Католичество, как и в других странах, несомненно усилилось и во Франции. Смерть, унесшая столько людей, тяжесть всей жизни увлекли многих в сторону религии, но трудно сказать, прочно ли это увлечение: ведь те, кто вернулись или обратились к религии только в трудную минуту жизни, те, кому необходима поддержка, которые не могут самостоятельно справиться

с трудностями жизни, несомненно более слабые; одни из них ушли в религию, другие ударились в оккультизм, спиритизм, третьи обратились к теософии.

Что-то больное и усталое чувствуется в этих исканиях, которые сами по себе, конечно, любопытны и интересны, но при одном условии, чтобы искания были бескорыстны, то-есть, чтобы тот, кто ищет, не требовал непременно успеха своим исканиям и искал бы истину или приближение к ней, а не опоры в трудные дни или наркотиков. К сожалению, в том, что видишь сейчас, больше последних элементов. Есть, правда, и серьезные искания в области так называемых метапсихических явлений: предчувствий, так называемого ясновидения, телепатии. Но и здесь почва настолько скользкая, настолько трудна объективность для наблюдающего или воспринимающего, что приходится относиться с громадной осторожностью к тому, что видишь и о чем читаешь. Занятая другими вопросами наука мало еще подошла к этим явлениям с точки зрения физиолога или физика, и факты собираются и наблюдаются за сравнительно редкими исключениями не учеными, а любителями. Говорить о будущем этих исканий пока трудно, но в современной жизни они несомненно заняли опять большое место, и считаться с ними, как с показателями жизненных настроений, несомненно приходится.

Летом Франция отпраздновала столетие со дня рождения Ренана. Главное торжество происходило на родине знаменитого ученого в Бретани, в Трегье. Это было национальное торжество, произносились в торжественной обстановке речи, отчетами, о которых полны были газеты. Этот юбилей был удивительно показателен не только как чествование памяти большого ученого, он выявил ту быстроту, с которой люди теперь переходят в историю: не так давно умер Ренан, многие хорошо помнят его, а ко дню столетия рождения он несомненно уже принадлежал истории; его книги и блестящие речи принадлежат истории науки, некоторые страницы его вошли в пантеон французской литературы. Как человек, лично знавший Ренана и увлекавшийся его произведениями, я поинтересовался тем, насколько его помнят младшие поколения; из разговоров о Ренане я убедился, что он в значительной мере забыт на родине. Помнят еще разве его борьбу за свободу совести, за право говорить о религии с точки зрения историка, но и то больше, пожалуй, в связи с опасениями перед ростом клерикализма, которого начинают теперь бояться во Франции. Хорошо сознают, как опасно для свободы, для жизни вообще, когда получают власть те, кто считает, что „истина найдена“, ибо все судится уже с точки зрения этой найденной истины, всякое

искание считается вредным и опасным. Это испытал в свое время Ренан, когда его за свободомыслие лишили права преподавания. Всю жизнь Ренан отстаивал против клерикалов особое положение свободной науки, он всегда указывал, что наука не только не ищет, как религия, защиты законов от нападок на нее, а напротив того, именно ищет всяких нападков, твердо уверенная, что доступные человеку приближения к истине достигаются лишь свободною борьбою мнений. Многие из написанного Ренаном, как видно, уже забыто, многое еще забудется, но облик его и отдельные страницы сохранятся, ибо Ренан во многом воплощал блеск и красоту французской научной мысли.

Другой юбилей праздновался Францией этим летом — юбилей энтомолога Фабра, хорошо известного и у нас своими широко распространенными трудами „Инстинкт и нравы насекомых“ и „Энтомологические воспоминания“. Во многом прямая противоположность блестящему парижскому академику и профессору Ренану, скромный провинциал Фабр в одном был несомненно с ним вполне согласен и близок — в беззаветной преданности науке, в глубоком убеждении, как выразился, говоря о Фабре, известный русский зоолог, что человечество „без науки и искусства, при каком угодно социальном порядке, неизбежно вернется к варварству и звериному состоянию“. Фабр своим примером показал, что даже в крайней нужде, в глуши провинции, далеко от образова-

тельных и научных центров человек, преданный науке, может сделать многое для познания природы и человека, без познания которого нет человеческой жизни. „Без учителей, без руководителей, часто без книг, наперекор нищете, этой ужасной душительнице всего высокого, я шел вперед, я устоял, я выдержал все испытания, так что неукротимая шишка (наблюдателя), говорил скромно Фабр, обнаружила в конце концов свое бедное содержимое“. Другие иначе ценили это содержимое, и когда в этом году вся Франция чувствовала память скромного труженика науки, сделавшего так много для понимания инстинкта животных, который для него был „гением животного“, то всем было ясно, что „несравненный наблюдатель“, как называл Фабра Ч. Дарвин, показал путь к научной работе и тем из своих соотечественников, которых судьба лишает возможности пройти правильную научную школу, путь по которому можно идти честным и добросовестным искателям знания, как бы незначительны ни были их первоначальные знания. Мне бы хотелось к этому прибавить, что Фабр вместе с тем был великим краеведом.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Во Франции, как, повидимому, и во всей Европе, сильно возрос интерес к краеведению — *mouvement régional*. Повидимому, этот интерес связан в значительной степени с тем подъемом патриотического чувства, который выявился во

время войны. Каждому хотелось знать то, что французы называют „маленькой родиной“ (*petite patrie*), тот край, в котором каждому приходится жить и работать. Литература по краеведению огромная, начиная с больших научных, специальных исследований, кончая маленькими брошюрами, составленными местными любителями. Причин, которые вызвали повышенный интерес к краеведению, много. Важность быть, по возможности, самодовлеющей страной стала особенно ясна во время войны, в этом отношении Франция стала на новый путь вместе с многими другими странами. Желание стать самодовлеющей естественно должно было привести Францию к изысканиям наиболее интенсивного использования производительных сил страны, при чем в первую голову надо было начать с учета этих сил, что естественно лучше всего можно было сделать по районам. Районы географические и промышленные во многом совпали со старыми национальными делениями, восходящими иногда к глубокой древности. Каждый большой район опять делится на ряд более мелких, которые живут своею жизнью, в них опять ряд отдельных местностей, живущих интенсивною краевою жизнью. Наличие на местах большого числа культурных работников, хорошо понимающих значение интенсивного исследования страны, обеспечивает непрерывную краеведческую работу во всех направлениях. Внося в значительной степени характер чисто практический, учетный и осведо-

мительный, французская краеведческая литература вместе с тем, в полной мере отвечает и потребности местных людей знать свое прошлое и связь его с настоящим. Так, мы на каждом шагу видим, как, например, скромный сельский учитель пишет историю своего села, или как местный любитель дает очерк всех достопримечательностей своей местности.

ОТНОШЕНИЕ К РУССКИМ

Как относятся к русским во Франции, насколько интересуются Россией?

Несомненно, что во Франции весьма многими разделяется отрицательное отношение к нам, основанное, с одной стороны, на заключении нами мира и, с другой стороны, на неплатеже нами долгов и непризнании их. В этом отношении постоянно приходится слышать вопрос:

— Когда же вы заплатите нам ваши долги?

Но рядом с этим (позволю себе назвать его обывательским) взглядом, мне приходилось встречать совершенно иное отношение, особенно к тем культурным работникам, которые остались в России разделять ее судьбы, не считая для себя возможным отделять свою судьбу от судьбы широких народных масс, которые пытались и пытаются создать жизнь на новых началах. Приходилось слышать:

— Мы поступили бы, как вы: свою родину не покидаешь.

Существует несомненно, главным образом, повидимому, в ученых и отчасти в литературных кругах, интерес к нашим культурным достижениям в революционные годы. Русский театр, русский балет, русское искусство вообще вызвали к себе живейший интерес, и русские художники и артисты пользуются широкой популярностью. Почтовые затруднения мешают до сих пор правильному и систематическому возобновлению научных и вообще культурных сношений: во Франции мало знают наши книги, вышедшие за последние годы, так как пересылка их чрезвычайно затруднена, недостаточно знают новые течения нашего театра, не представляют себе, вследствие невозможности нам достаточно осведомить иностранцев, ту громадную работу, какая произведена нашими государственными музеями, судьба которых необыкновенно интересует французские культурные круги. Интерес к России во Франции есть, но современные международные отношения не позволяют этому интересу получить надлежащее развитие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЕРМАНИЯ	
Жизнь города	9
Марка	16
Женщина	19
Искание опоры	25
Литература	27
Театр, кинематограф	31
Книга	33
Спорт	35
Отношение к русским	37
Наука	39
Краеведение	41
Итоги	42
АНГЛИЯ	
Город	46
Женщина	54
Литература	57
Цветные	61
Быстрые смены	62

Периодическая печать	65
Культурный регресс	68
„Символ веры“ занятого человека	74
Внутренняя жизнь	76
Краеведение	77
Английское объединение	78
Отношение к русским	80

ФРАНЦИЯ

Город	83
Экономия	87
Книга и язык	88
Литература	89
Жертвы войны	94
Ненависть к Германии	96
Женщина	97
Цветные	100
Болезненные религиозные искания	102
Два юбилея	104
Краеведение	106
Отношение к русским	108

Издательство «ВРЕМЯ»

Петроград, Троицкая 4, кв. 3, тел. 1-84-61

ВЫШЛИ В СВЕТ

- Академик С. Ф. Платонов. — Смутное время. Обложка, титульный лист, заставки и концовки работы Всеволода Воинова. 1 р. 10 к.
- Академик С. Ф. Платонов. — Прошлое Русского Севера. Обложка работы И. А. Фомина. 90 к.
- Академик А. Е. Ферсман. — Три года за полярным кругом. С 10 иллюстрациями. Обложка работы С. В. Чехонина (*распродано*).
- Профессор К. В. Кудряшов. — Александр Первый и тайна Федора Козьмича. С 16 иллюстрациями. Обложка, титульный лист и заставки работы И. А. Фомина. 1 р. 70 к. (*распродано*).
- Ю. Фаусек. — Значение рисования в школе Монтессори. Опыты и наблюдения. Обложка работы В. П. Белкина. 40 к. (*распродано*).
- Вл. Соловьев. — Письма. Под редакцией Э. Л. Радлова. С портретом и факсимиле подписи автора. 1 р. 50 к.
- Почетный академик Д. Н. Овсянко-Куликовский. — Воспоминания. С портретом. Обложка, титульный лист, заставки и концовки работы С. В. Чехонина. 75 к.
- В. А. Теляковский (б. директор императорских театров). — Воспоминания. 1898—1917. 2 р.
- Борис Пильняк. — Простые рассказы. Обложка, титульный лист, заставки, концовки и инициалы работы Д. И. Митрохина. 75 к. (*распродано*).
- „Арена“. — Театральный альманах при участии М. Кузмина, Н. Н. Евреинова, В. М. Бехтерева, В. А. Теляковского, Евг. Кузнецова, Сергея Радлова и Юрия Анненкова. Обложка работы В. М. Ходасевич. 1 р. 60 к.

469.995

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00307854 6